

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«РУССКОЙ МЫСЛИ»
СЕНТЯБРЬ 1985

16

БОЗРЕНИЕ

ИДЕОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА

Обозрение

Присылаемые рукописи могут быть написаны на любом из основных европейских языков. Объем статей не должен превышать 8-10 машинописных страниц, напечатанных с двойным интервалом. К рукописи должны прилагаться краткие биографические сведения об авторе. Материалы из Советского Союза могут быть помечены псевдонимом. Рукописи следует направлять по адресу Редактора. Подписка на «Обозрение» производится Издателем. Непринятые рукописи редакция не возвращает и в дискуссию по этому поводу не вступает.

Tout texte sera accepté s'il est rédigé dans une des principales langues européennes. Le volume des textes envoyés ne doit pas dépasser 8-10 pages dactylographiées de 1500 signes (25 lignes de 60 signes). Prière de joindre au texte une courte notice biographique.

Manuscripts may be written in any one of the major European languages. The length of the manuscript should not exceed 8-10 double-spaced typewritten pages. Authors are requested to send a short biographical sketch along with their article. All materials should be sent to the editor. Declined manuscripts will not be returned.

Материал, публикуемый в «Обозрении», не может быть воспроизведен полностью или частично без разрешения Редактора.

Toute réproduction intégrale ou partielle sans le consentement de la rédaction est interdite.

All rights reserved. No part of the publication may be reproduced in any form without the prior permission of the editor.

Адрес Редактора:
L'adresse du rédacteur:
Address of the editor:

A. Nekrich, 505 Pleasant Str.
Belmont MA 02178 USA.
Tel.: USA 617-495-4160; 484-8652.

«La Pensée Russe»

Адрес Издателя:
L'adresse de l'éditeur:
Address of the publisher:

217, rue du Faubourg St. Honoré.
75008 Paris
Tél.: 563-94-47 ou 563-21-83.

Московские игры

Александр Некрич

**Редактор
«Обозрения»**

Недавно в Русском Исследовательском центре Гарвардского университета своими воспоминаниями о студенте юридического факультета МГУ Горбачеве поделился один из его однокашников. Надо отдать справедливость докладчику — он не претендовал на близкое знакомство с будущим генсеком. Эпизоды из жизни студента и члена комсомольского бюро Михаила Горбачева поразили воображение слушателей главным образом своей тривиальностью. Они легко могли быть историями из жизни любого студента-активиста начала 50-х годов.

Появление Михаила Сергеевича Горбачева в качестве генерального секретаря ЦК КПСС поначалу вызвало некоторый энтузиазм

среди советских, но особенно у западных интеллектуалов из-за его резко критических высказываний об экономической и социальной жизни в СССР. Как и полагается руководителю в его положении, он подкреплял свои доводы не одними лишь цитатами из Ленина и ссылками на «огромный положительный опыт», накопленный в ходе строительства коммунистического общества в СССР. Он проявил трезвость в оценке экономического положения СССР, повторив общеизвестные, впрочем, истины, что нельзя наращивать производство путем использования энергетических и сырьевых ресурсов до бесконечности, что необходимо идти вглубь, а невширь, т.е. интенсифицировать производство, как промышленное, так и аграрное.

Горбачев продолжил чистку аппарата, начатую Андроповым, выгнал особо зарвавшихся воров и уволил на пенсию министров, впавших в маразматическое состояние. Но, в соответствии с чуть подновленными правилами игры, все ошибки, промахи и преступления прежних высших руководителей фактически списаны со счета; для объяснения тяжелого положения, в котором находится государство, была придумана подходящая формулировка: в 70-е и в начале 80-х годов, мол, недостаточно обращали внимание на то-то и то-то. Как любил пошучивать общий учитель советских руководителей И.В.Сталин: «И дешево, и мило». Нынешний генсек

делает то же самое, что и его предшественники: выгоняет «их» людей и заполняет вакансии своими, возможно, более способными и менее коррумпированными. Чистка должна быть закончена, в основном, к XXVII съезду КПСС в феврале 1986 года.

Через полгода после прихода к власти Горбачев сформулировал условия продвижения советского общества вперед, к Цели. Это — «темпы, качество, бережливость, организованность». К ним следует, несомненно, добавить и «трезвость». Таковы «пять условий» Горбачева — на одно меньше, чем это было у Сталина.

Борьба против алкоголизма — один из важнейших пунктов в программе Горбачева, ибо речь идет о попытке приостановить процесс физического и нравственного вырождения нации, принявший особенно злоеший характер в брежневское время. Ясно каждому непредубежденному человеку, что алкоголизм в СССР — результат постоянного пренебрежения коммунистической партией естественными стремлениями народа к нормальным условиям жизни. Война, объявленная алкоголизму, — это отчаянная попытка нового руководства преодолеть пассивность населения — трудовую и социальную — путем мобилизации его на борьбу со всеобщим злом — пьянством. Но борьба с алкоголизмом создает серьезную экономическую проблему. Как недавно признала «Правда»: «Ранее общая

сбалансированность между денежной и товарной массой в известной степени поддерживалась ростом расходов людей на спиртные напитки». Яснее не скажешь! В течение десятилетий государство сознательно отравляло народ алкоголем, так как не было в состоянии обеспечить экономическое равновесие иными средствами.

Предположим, что новому руководству удастся побороть или ограничить потребление спиртного — этого защитного средства системы против внутренних потрясений. Но чем заменить алкоголизм, чем занять мозг человека, очищенный от винного дурмана? Как поведет себя народ в «трезвом» будущем, когда он оглянется окрест себя и непьяным умом увидит всю нищету своего духовного существования? Скорее всего, никак: ужаснется и снова начнет пить...

За исключением войны, объявленной алкоголизму, новый генеральный секретарь разыгрывает примерно те же игры, что и его предшественники: разъезжает по стране, выступает с речами, собирает совещания ветеранов, отмечает юбилейные даты и требует гласности во всех сферах жизни общества. (Но что же все-таки с Сахаровыми?!)

Вслед за 40-летием победы над Германией было отмечено 50-летие начала стахановского движения. Самого зачинателя движения Алексея Стаханова на встрече в ЦК КПСС не было: он умер в 1977 году от последствий алкоголизма. Встречи с ветеранами должны показать, что новый генеральный секретарь относится к старшему поколению с уважением, что он, представитель более молодого поколения, перенимает у стариков «эстафету времени», как того требует партийная традиция. В стране имеется 40 тысяч участников Гражданской войны и 6 миллионов — войны с Германией. Они составляют только 2,5% от всего 270-миллионного населения СССР, но они-то и образуют «героическое прошлое» советского государства, подменяя конфискованную партией у народа историческую память. Для М.С.Гор-

бачева, сформировавшегося в послевоенные годы, признание преемственности поколений необходимо и обязательно. Это — составная часть ритуала посвящения в вожди.

Другая часть ритуала — изготовление биографии избранника. Советские барды уже начали воспевать героические дела нового генерального секретаря. Потому что того требуют правила игры: системе нужен вождь, вождю нужна биография, бардам нужны поездки за границу. В биографии вождя обязательно должно быть нечто героическое и специфическое, не андроповское, не черненко-ское, а что-то другое, свое, созвучное времени. Вызов сделан — заказ принят поэтом, привыкшим всегда быть в нужный час в нужном месте. Поэта зовут Евгений Евтушенко. Он пишет длинное, в 140 строк, стихотворение, пишет ради четырех строк. Они оповещают мир о только что свершенном героическом подвиге. Поэт сравнивает его с подвигом Александра Матросова, закрывшего, согласно легенде военных лет, амбразуру вражеского дота своим телом. «Правда» публикует стихотворение. И мир узнает 9 сентября 1985 года о новом подвиге:

«беспрецедентен по смелости
ядерный мораторий —
матросовский подвиг мира,
свершенный нашей страной».

Имя предложившего объявить мораторий прямо не названо. Но догадаться не трудно, особенно, если перефразировать стихи другого поэта — Владимира Маяковского («Мы говорим — партия, подразумеваем — Ленин!»), и тогда получается: «Мы говорим — страна, подразумеваем — Горбачев!».

Но не только барды (у Евтушенко уже нашлись подражатели) сочиняют биографию новому руководителю. Партийная пропаганда делает это с присущей ей строгой целеустремленностью. Все чаще генерального секретаря величают по имени-отчеству — Михаил Сергеевич, — что является, как известно, безошибочным признаком рождения нового «культа»: Владимир Ильич, Иосиф Виссарионо-

вич, Никита Сергеевич, Леонид Ильич и др. 6 сентября «Правда» напечатала корреспонденцию о пребывании генсека на Уренгое и в Сургуте, в которой говорилось: «В беседах, которые носили сердечный и деловой характер, рабочие предприятий, жители нового Уренгоя и Сургута говорили Михаилу Сергеевичу, что они... единодушно одобряют и поддерживают...» После встречи с ветеранами стахановского движения в ЦК КПСС они поделились с «Правдой» своими сокровенными мыслями. А мысли были такие: «Глубокий отзыв в наших сердцах и умах нашла речь Михаила Сергеевича Горбачева. Все сказанное им выдвинуто самой жизнью и словно бы в мыслях давно осознавалось каждым из нас». Сказано прямо, честно и по-партийному...

Но эта игра предназначена главным образом для внутреннего употребления. Другие игры разыгрываются вне пределов социалистического отечества. Особенная активность развивается именно в той области, куда простой народ никак не допускается, — в сфере внешней политики. Здесь уже не только «матросовский подвиг», но кое-что пострашнее и посерьезнее — запущенная на полную мощность, работающая против свободного мира чудовищная машина военного, политического и психологического давления. Ее обслуживают не только московские механики, но и большое число добровольных или платных советских агентов влияния, среди которых можно обнаружить западных журналистов и ученых, политических деятелей и даже американского миллионера. Недавние шпионские скандалы, разразившиеся в Англии и перебросившиеся на Западную Германию, систематические кампании по дезинформации относительно советских намерений и военного потенциала СССР, непрекращающаяся война против афганского народа, участие советских войск в военных действиях в Анголе и сопутствующие внешнеполитическим акциям репрессии против инакомыслящих внутри Советского Союза показывают, что искушенные московские игроки все же не отказались окончательно от мысли сыграть большую планетарную игру. □

Советские акции влияния

Станислав Левченко

**Станислав Левченко — журналист.
Окончил МГУ.
В течение ряда лет работал в разведке КГБ в Японии.
В 1979 году получил политическое убежище в США.
В 1982 году советским военным трибуналом заочно приговорен к расстрелу.**

В последние годы в печати довольно много пишут о советских разведывательных операциях против США и других стран Запада. Можно вспомнить статьи о процессе над норвежцем Арне Трехольтом, завербованным КГБ в середине 60-х годов, о сенсационном деле группы Джона Уолкера, бывшего сержанта ВМС США, который обвинялся в том, что более 15 лет занимался шпионажем в пользу СССР. В прошлом году правительства стран Европы, Америки и ряда стран Третьего мира выслали много сотрудников КГБ и ГРУ, прикрывавшихся в разведывательной деятельности «крышами» МИД, Министерства внешней торговли и других советских учреждений.

Похоже, что война разведок и контрразведок будет и впредь оставаться столь же драматичной.

Гораздо реже в мировой печати можно встретить упоминание о другом виде советских разведывательных акций, которые для СССР никак не менее важны, чем «обычный» шпионаж, — об акциях и операциях влияния. На профессиональном языке КГБ такой вид разведывательной деятельности называется активными мероприятиями.

«Активные мероприятия» вчера и сегодня

Активные мероприятия — это комплекс секретных и несекрет-

ных акций, направленных на оказание влияния в интересах СССР на иностранные правительства, законодательные органы, политические партии, общественные организации, деловые круги, прессу. Открытыми каналами активных мероприятий являются официальная пропаганда, дипломатические акции, культурный обмен и т.п.

В данной статье мы рассмотрим секретные активные мероприятия, которые наносят наибольший ущерб интересам свободного мира — использование агентуры влияния, дезинформация, фабрикация поддельных политических, экономических и военных документов, манипуляция общественным мнением.

Активные мероприятия стали важной составной частью политики СССР с самых первых лет существования советского государства. Иностранные коммунисты — эмиссары советского правительства — уже в начале 1920-х годов оказывали влияние на общественное мнение своих стран с целью вынудить правительства установить дипломатические отношения с Советским Союзом и оказать ему экономическую помощь.

В 1919 году был создан Коминтерн, который через своих агентов в иностранных коммунистических, рабочих, социал-демократических партиях проводил разведывательную деятельность против капиталистических стран. Она направлялась профессионалами из Иностранного отдела ОГПУ. Большую часть этой работы

составляли акции по дезинформации, влиянию, созданию подрывных организаций под «крышей» демократических международных или национальных организаций. Через Коминтерн разведка ОГПУ создавала «пятую колонну» в капиталистических странах, порождая всю новую и новую агентуру, десятилетиями работавшую на СССР.

В 20-х годах с поразительным для молодой страны профессионализмом СССР провел ставшую впоследствии классической операцию «Трест». Одной из наиболее важных ее акций была «передача» в руки польской и британской разведок (в те годы имевших лучших в мире специалистов по СССР) дезинформативных сведений о внутреннем политическом и экономическом положении в Советской России, а также дезинформации о Красной Армии. Кремлю удалось убедить западные разведки, а через них и правительства западных стран в том, что внутренняя контрреволюция в СССР сильна и хорошо организована. «Неквалифицированное» вмешательство извне может только подорвать позиции внутренней контрреволюции, и при этом Красная Армия полностью контролирует внутреннюю безопасность в СССР, а потому любое вмешательство извне — самоубийственно. Эти взаимно противоречащие тезисы запутали западные разведки и породили в них неуверенность в собственных планах.

Акции влияния — неотъемлемая составная часть политики советского Политбюро. Истоки высокого профессионализма и масштабы этих акций заложены в самом развитии советского аппарата.

Одним из центральных компонентов в структуре активных мероприятий является Международный отдел ЦК КПСС (заведующий — 80-летний кандидат в члены Политбюро Б. Пономарев). Международный отдел планирует и координирует проведение акций влияния, дезинформации, манипулирования общественным мнением в западных странах. В сферу деятельности этого важного отдела ЦК КПСС входят как несекретные, так и секретные операции (которые «воплощает в жизнь» разведка КГБ). Операции гло-

бального или регионального масштаба утверждаются непосредственно Политбюро. К таким операциям, например, относилась проведенная в 70-х годах кампания против нейтронной бомбы. Все наличные резервы и агентура КГБ в Европе были брошены на эту кампанию. КГБ внедрил свою агентуру во многие организации сторонников мира, которые смогли представить общественности своих стран дело таким образом, будто нейтронная бомба «самое сатанинское оружие», когда-либо изобретенное человечеством. Европейская общественность была оглушена, шокирована, ошеломлена ловко аранжированным криком сознательной агентуры КГБ, притворявшейся, что она выступает от имени аполитических низовых общественных организаций. В этом крике потонули разъяснения правительств западных стран, что нейтронная бомба — это, по существу, противотанковое оружие, вынужденная мера, обусловленная резким увеличением числа советских танковых соединений в Восточной Германии.

Кампания прошла успешно для советского Политбюро, и президент США Картер был вынужден приостановить производство нейтронной бомбы.

В те годы многие на Западе задавали себе вопрос: насколько глубоко проникновение КГБ в европейские организации сторонников мира? Некоторые думали, что сотни агентов КГБ работают там под «глубокой крышей». На самом деле советская разведка действует более искусно.

Для оказания эффективного влияния на общественную организацию, даже весьма крупную, достаточно внедрить в нее одного-двух агентов. Но они должны занимать положение, которое позволяло бы им оказывать влияние на политическую платформу и, что особенно важно, лозунги организации. Таким образом КГБ удается влиять на общественные организации исподволь, и сотни или тысячи наивных членов организации понятия не имеют о том, что ими ловко манипулирует иностранная разведка, и «законно» возмущаются, когда политические противники обвиняют их в пособничестве СССР.

Итак, принимая, совместно с Международным отделом, непосредственное участие в планировании глобальных и региональных активных мероприятий, КГБ отвечает за те из них, которые являются глубоко скрытыми, секретными*.

Проведение таких мероприятий невозможно без разветвленной сети агентов влияния, и КГБ имеет их множество. Среди агентов влияния КГБ во многих странах мира — лица, входящие в правительственные круги, политические деятели (или их помощники, секретари), общественные деятели, крупные журналисты, писатели, промышленники, научные деятели.

Кто есть кто

Приведу несколько примеров.

В начале 60-х годов одним из помощников канцлера ФРГ Вилли Брандта был некий Гильом, оказавшийся агентом КГБ и восточногерманской разведки. По указаниям КГБ Гильом не только выкачивал секреты из канцелярии Брандта, но и, судя по всему, пытался влиять на своего шефа в выгодном для СССР плане. Когда западногерманская контрразведка арестовала Гильома, Вилли Брандт был вынужден уйти в отставку.

В 70-х годах наиболее важным агентом влияния КГБ в Японии был видный деятель правящей либерально-демократической партии, депутат парламента Исида («рабочий» псевдоним КГБ — «Гувер»). По настоянию завербовавшего его полковника КГБ А. Пронникова Исида образовал Парламентскую ассоциацию японо-советской дружбы, в которую вошли около 400 японских парламентариев, в подавляющем большинстве не подозревавших, кто явился настоящим инициатором создания Ассоциации. Кремлю было важно наладить регулярный обмен делегациями с Ассоци-

---

* Несекретные или «пограничные» акции проводятся Агентством Печати Новости, советскими «общественными» организациями — Комитетом защиты мира, Комитетом солидарности стран Азии и Африки и др., ТАСС, московским радио, несколькими институтами АН СССР и т.д.

ацией, чтобы изучить как можно больше японских парламентариев с целью возможной вербовки некоторых из них в будущем.

Для придания Исида-Гуверу большего веса во время его поездок в Москву с ним, по рекомендации КГБ, встречались некоторые члены Политбюро.

В 1982 году главным редактором наиболее популярной японской консервативной газеты «Санкэй» (тираж около 3 млн. экземпляров) стал Т. Яманэ. Он был не только наиболее влиятельным сотрудником редакции и личным советником владельца газеты, но еще и агентом влияния КГБ, завербованным в середине 60-х годов. В течение двух лет Яманэ состоял у меня на связи в Токио. Этот агент влияния прятался за личиной националиста и антикоммуниста. Он сделал для КГБ много — «способствовал» укреплению в газете антикитайского духа, опубликовал искусно сфабрикованную фальшивку — «Политическое заведение Чжоу Энь-лая», впоследствии перепечатанную двадцатью-тридцатью органами печати. В 1983 году после публикации разоблачающих его материалов Яманэ пришлось уйти в отставку.

По указанию Политбюро КГБ постоянно наращивает усилия по внедрению своей агентуры в иностранные политические партии. Особенно активно КГБ работает против некоторых социалистических и социал-демократических партий.

В 70-х годах, например, в социалистической партии Японии (главной оппозиционной в стране) КГБ имел целый ряд агентов, и некоторые из них занимали столь высокое положение, что влияли на политическую платформу партии. В течение примерно десяти лет внешнеполитическая программа соцпартии Японии была калькой с позиции Кремля.

Я уже упоминал об агенте КГБ в японской газете «Санкэй». Из остальных четырех главных центральных газет Японии три имели сотрудников, завербованных КГБ.

Влиянию на иностранное общественное мнение через органы массовой информации КГБ придает особое значение. В некоторых резидентурах КГБ 50% агентур-

ной сети составляют журналисты. Такой интерес к журналистике вполне понятен: во многих странах видные журналисты пользуются значительным влиянием, они входят в кабинеты высокопоставленных государственных чиновников, бизнесменов, руководителей политических партий. Порой журналисты, занимающиеся «расследованием» политических и экономических акций, могут заставить воплощение в жизнь правительственных программ. Ну и, кроме того, журналистская профессия имеет очень много общего с ремеслом разведчика.

Несколько лет назад французская контрразведка арестовала Пьера-Шарля Патэ, известного журналиста, сына одного из создателей кинематографа, родственника видного французского дипломата и крупного промышленника. Благодаря своей «родо-

Через своих агентов влияния КГБ убеждает многих в Европе и США в «миролюбивом прагматизме» Кремля.

словной», а также широким связям в политических и деловых кругах Франции, Патэ был заметной и уважаемой фигурой в Париже. Он издавал выходящий дважды в месяц бюллетень «Синтезис», в котором освещались политические, экономические, военные и научные проблемы Франции и Европы. Бюллетень рассылался весьма влиятельным людям, в числе которых были 133 сенатора, 41 журналист, 14 дипломатов в ранге чрезвычайных и полномочных послов, десятки парламентариев.

Патэ стал издавать свой бюллетень в 1976 году, но до этого он был известен как издатель «конфиденциального» журнала под названием «Центр научной, экономической и политической информации», который также рассылался влиятельным подписчикам и послужил «трамплином» для издания «Синтезис».

Французская общественность была шокирована, когда следствие по делу Патэ выяснило: почти двадцать лет этот убежденный се-

динами импозантный господин был не просто платным агентом КГБ, но и издавал журнал и бюллетень на деньги, предоставлявшиеся ему чекистами из парижской резидентуры. Разоблачен Патэ был только «по ассоциации» с другим делом. В 1978 году один из членов французского Парламента добровольно сообщил контрразведке, что советский дипломат Игорь Кузнецов проявляет излишнюю настойчивость во встречах с ним. У парламентария появились подозрения, что Кузнецов пытается «разработать» его для возможной будущей вербовки. Контрразведка взяла Кузнецова под плотное наблюдение, и он, не замечая слежки, «привел» контрразведчиков на конспиративную встречу с Патэ. Журналист-агент КГБ был судим, приговорен к пяти годам тюремного заключения, но выпущен на свободу примерно через год по причине преклонного возраста.

В поле зрения КГБ Патэ попал в 1959 году, когда в одной из газет опубликовал статью, весьма дружественную по отношению к СССР. Статья настолько понравилась специалистам по Франции из КГБ, что посол СССР пригласил его на встречу. Здесь Патэ был представлен первому из нескольких советских разведчиков, на контакте у которых он находился в течение многих лет. Француз добровольно быстро согласился сотрудничать с КГБ и был завербован как платный агент влияния.

На встречах с агентом офицеры КГБ задавали ему темы для статей в журнале и бюллетене. Они не передавали ему уже напечатанные на машинке готовые статьи (как это неуклюже делалось в 40-х — 50-х годах), а устно пересказывали тезисы, которые он должен был использовать в статьях так, чтобы они не выглядели при этом просоветскими.

Патэ много писал для французской прессы под псевдонимом «Шарль Моран», и, по оценке КГБ, эти статьи, очевидно, тоже достигали своей цели — влияли на читателей в выгодном для СССР плане.

Хотя КГБ имеет значительное число агентуры влияния за рубежом, такие агенты не часто арестовываются или отдаются под

суд. Это объясняется следующими причинами.

Прежде всего, в демократических государствах человека могут арестовать по подозрению в шпионаже только тогда, когда есть неоспоримые вещественные доказательства его противозаконных контактов с иностранной разведкой. А многие агенты влияния, как правило, не передают КГБ документальных секретных сведений и не «работают» через тайники, моментальные встречи и т.п. Более того, зачастую КГБ проводит с ними встречи в открытую — в ресторанах, на дипломатических приемах. Вся работа с такими агентами, в большинстве своем, проходит «устно», носит форму мирных дискуссий, обмена мнениями. Многие из агентов влияния — люди значительные по своему общественному положению, и для них вполне логично встречаться с иностранцами, в том числе с гражданами стран советского блока. Бывает и так, что контрразведка ходит вокруг да около таких контактов, не имея достаточно легальных оснований произвести арест. Как я уже упоминал, одним из моих агентов в Токио был влиятельный журналист Яманэ. В начале 70-х годов мой предшественник, офицер КГБ, работавший в Токио под прикрытием корреспондента «Комсомольской правды», выходя на встречу с Яманэ, не заметил за собой наружного наблюдения. На следующий день старший офицер японской контрразведки посетил кабинет Яманэ в газете «Санкэй». Он вежливо поинтересовался, давно ли Яманэ знает советского корреспондента. Опытный агент, не задумываясь, ответил, что знает его только по недавним двум-трем встречам, происшедшим по инициативе советского журналиста. Зачем же они встречались? Снова не задумавшись, японец выпалил: «Он позвонил мне и предложил обменяться мнениями о нынешней внешней политике Японии. Это вполне нормально для двух журналистов». Контрразведчик, выступавший уже в роли просителя, сообщил (!) Яманэ, что советский журналист — опытный разведчик КГБ и японская контрразведка заинтересована в получении данных о его деятельности в Токио. Поэтому

он просит Яманэ продолжить (!) контакт с советским журналистом в интересах контрразведки. И агент КГБ Яманэ отказался, сославшись на занятость по работе. После этого он продолжал плодотворно сотрудничать с КГБ еще около десяти лет.

Затем, некоторые из советских агентов влияния используются КГБ «втемную». Практически в любой стране есть люди, особенно среди политических деятелей и видных журналистов, которых невероятное самомнение и наивность толкают на встречи с советскими официальными представителями. Им импонируют внимательность советских собеседников, то, что те часто глубоко знают проблемы страны пребывания. А собеседники эти, большинство из которых, конечно, профессиональные разведчики, знают, как «умаслить» своих знакомых: обещают довести их «ценные точки зрения» до «советских верхов» и даже выяснить реакцию советских руководителей. Сотрудники КГБ утверждают, что имеют высокие связи в Кремле, сплошь и рядом прикрываются известным институтом академика Арбатова (Институт США и Канады АН СССР), другими академическими институтами. В мою бытность в Токио полковник КГБ Пронников, работавший под прикрытием пресс-атташе советского посольства, «конфиденциально» заявлял своим «контактам» в политических партиях, что у него есть ходы «прямо в Политбюро». И наивные политики ему верили...

Уже в США я слышал о случае, когда один из американских ученых, специализирующийся по проблемам разрядки и написавший неофициальный доклад о некоторых проблемах разоружения, имел встречу с находившимся в США Георгием Арбатовым. Ученый не удержался и похвалился академику своим докладом (наверняка наивным и больше теоретическим, чем практическим). Арбатов немедленно воспользовался слабостью собеседника и обещал «показать доклад лично членам Политбюро». Радости незадачливого американца не было конца. Он, как и многие другие, не понял, что Арбатов завлекает его на всякий случай, чтобы потом, в случае надобности, кто-либо из вашинг-

тонских старожилов КГБ попытался его поддвербовать.

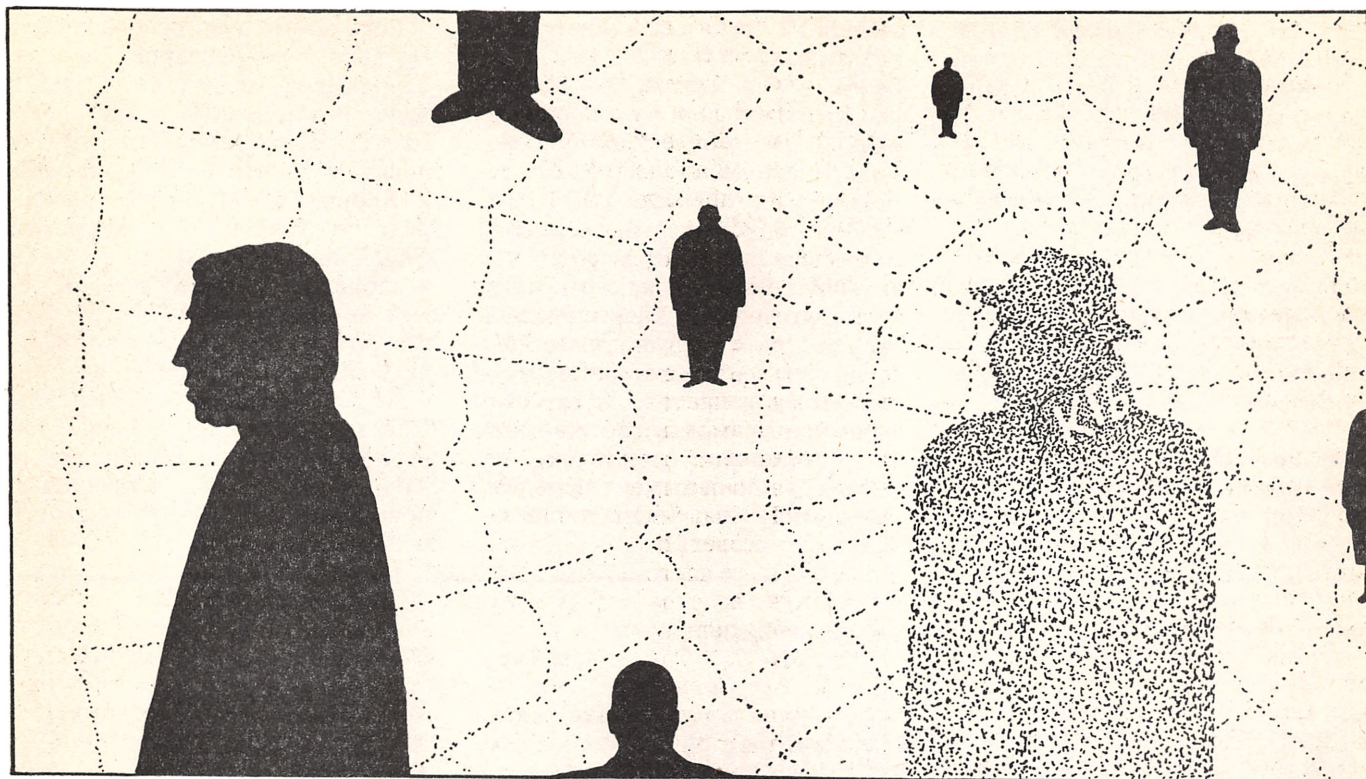
Таким «контактам» КГБ «по секрету» передает «сведения» о советской позиции по той или иной международной проблеме, «советует», как лучше вести дела с советскими руководителями, доказывает необходимость продажи СССР товаров, которые Кремль может использовать для укрепления своей обороноспособности. Через них КГБ распускает слухи о наличии в Политбюро «голубей» и «ястребов», и находятся люди, да еще и с положением в политических, деловых и журналистских кругах, которые верят в эту дичь и вставляют ее в свои выступления и статьи.

Через своих агентов влияния КГБ убеждает многих в Европе и США в «миролюбивом прагматизме» Кремля, в его стремлении найти «честные» пути решения проблемы гонки вооружений и т.п.

Ну и, конечно, КГБ, засучив рукава, работает над иностранными журналистами в Москве. Многие из них не знают русского языка, специалистами по СССР не являются и чувствуют себя в советской столице вполне беспомощно. А тут к их услугам — всегда готовое помочь хлопотливое УПДК (Управление по обслуживанию дипломатического корпуса). Оно находится под стопроцентным контролем КГБ и предоставляет дипломатам и журналистам секретарей и переводчиков (за немалую плату). Вот так журналист попадает сразу под четыре внимательных глаза опытных осведомителей КГБ, контролирующих его контакты в Москве.

Писать из Москвы такому газетчику в общем-то не о чем. А редакция нажимает, ждет «глубоких комментариев», «сочных историй». И когда журналист начинает по-настоящему грустить, КГБ — через секретаря или переводчика или через какого-нибудь другого «контакта» — знакомит его с «анонимным источником», конечно же, «вхожим в круги» и т.д. и т.п. Такого рода источники и пичкают возрадовавшегося журналиста дезинформацией. И поэтому среди серьезных объективных корреспонденций из Москвы нет-нет да и попадается «утка», состряпанная в КГБ.

Осторожно — фальшивка

Фальшивки — другой излюбленный вид дезинформационной деятельности службы активных мероприятий КГБ. Фабрикуются они следующим образом. Специалист по политическим, экономическим или военным проблемам заготавливает текст «меморандума», «служебной записки» или «телеграммы» какого-либо учреждения иностранного государства. В этом тексте содержится «сведения», как правило, «секретные», компрометирующие политику этой страны или кого-либо из ее государственных деятелей. Высококвалифицированные специалисты переводят текст с русского на любой язык мира, необходимый в данном конкретном случае. Для отшлифовки текст иногда дают кому-либо из иностранцев — бывших агентов КГБ, сбежавших от ареста в СССР. Затем текст подгоняется под соответствующий формат: берут любой настоящий документ иностранного правительства, полученный КГБ через агентуру, химикалиями снимают оригинальный текст и впечатывают текст, подготовленный КГБ. На этом этапе все делается, как в хирургической

операционной: сотрудники КГБ работают в специальных перчатках, чтобы на листе бумаги не осталось их «автографов» — отпечатков пальцев. Специалисты по фальшивкам достигли высот технического совершенства. Например, сфабрикованная несколько лет назад «телеграмма» Госдепартамента США, в которой утверждалось, что убитый по приказу Москвы президент Афганистана Амин был американским агентом, с одного конца была сожжена. Сделано это было с целью привязки к «легенде» — телеграмма якобы была подобрана на руинах посольства США в Пакистане, разгромленного толпой.

Вот пример совсем недавней фальшивки. Документальных доказательств того, что она сострепана КГБ, нет. Однако «высокое качество работы» и ловкость, с которой она была продвинута в международную печать, явно выдают почерк специалистов с площади Дзержинского и Теплого Стана.

В начале июля этого года на свет появился документ — «копия» письма генерала армии Роберта Швейцера из Межамериканского военного совета. Письмо адресовано президенту Чили Аугусто Пиночету. В нем говорится

о поставках оружия Чили, о «расширении сотрудничества» в военной области, о «совместных действиях в Южной Америке» и даже утверждается, что «некоторые чилийские военные подразделения будут переброшены в Сальвадор и Гондурас». «Письмо» это, по замыслу фальсификаторов, содержало «сенсационные доказательства» «сговора американской и чилийской реакции против других латиноамериканских стран».

Анонимно оно было разослано в адрес нескольких иностранных телеграфных агентств.

Приведу хронологию прохождения этой фальшивки по каналам печати.

8 июля итальянское агентство АНСА опубликовало пресс-релиз, излагающий содержание письма со ссылкой на гватемальское агентство СИАГ. А гватемальцы, в свою очередь, заявили, что письмо было распространено в Стокгольме.

9 июля. Организация американских государств (ОАГ) процитировала письмо в ежедневном обозрении прессы и разослала обозрение всем представителям ОАГ в Вашингтоне. В этот же день текст письма печатает кубинская «Гранма».

10 июля итальянская АНСА публикует заявление генерала Швейцера, что письмо — фальшивка.

11 июля. ОАГ публикует пресс-релиз, заявляющий, что письмо — фальшивка.

12 июля. Письмо публикуется на страницах венесуэльской «Эль Диарио де Каракас». Заявление Швейцера, разоблачающее фальшивку, газета не публикует...

В настоящее время советская разведка по указаниям «свыше» наращивает усилия по созданию образа нового советского руко-

дителя М.Горбачева в общественном мнении западных стран. Горбачев изображается, во-первых, как прагматичный высокообразованный лидер, представитель молодого поколения, избрание которого на пост Генсека ЦК КПСС явилось положительным фактом не только для СССР, но и для всего мира. Во-вторых, его рисуют реформатором: в течение ближайших лет он, мол, будет занят «выправлением» советской экономики и поэтому не будет заинтересован в наращивании советского военного потенциала, напротив, его больше всего беспокоит проблема повышения жизненного уровня советского населения.

Есть достаточно оснований утверждать, что, внедрив эти идеи «анонимно», советская разведка будет использовать их как «аргументы буржуазной печати» в пользу того, что западные страны и Япония должны резко расширить торговлю с горбачевским Советским Союзом и, конечно, возобновить технологический обмен (о котором мечтают руководители советского военно-промышленного комплекса).

А тем временем резидентуры КГБ за рубежом накапливают силы для воплощения в жизнь новых тайных акций, под решением о проведении которых будет стоять подпись Горбачева. □

ПО СТОЛБЦАМ СОВЕТСКОЙ ПЕЧАТИ

Рубль неразменный

(Из письма в редакцию «Правды»)

«После окончания политехнического института я получил назначение на Волгоградский тракторный завод. Молодой, сильный, образованный, я думал, что для меня нет преград. Но они были. Возвели их торгаши...

До женитьбы я не испытывал материальных затруднений. Много ли холостяку надо? Хорошо жили с женой и до рождения ребенка. А потом начались мытарства. Кое-как нашли комнату за 45 рублей в месяц. На заводе жилья не обещали, пришлось вступить в жилищно-строительный кооператив. На первый взнос ушли все наши сбережения. Вскоре у нас родился еще один ребенок. Моего заработка конструктора второй категории на нашу семью не хватало. И в будни, и в праздники я обходился одним костюмом. Благодаря высокому росту и спортивной фигуре он на мне сидел словно сшитый для дипломатических приемов...

Пришло время выходить жене на работу, а ей не во что одеться. У нее не было зимнего пальто, плаща, сапог. Не говорю о модных джинсах за 200 рэ, дубленке за 1.500 рэ и престижном золоте. Она не упрекала меня, но я чувст-

вовал свою вину, потому что видел, как красиво живут в других семьях: имеют машины, модную одежду, стильную мебель...

Я перестал мечтать об аспирантуре, пошел разгружать вагоны, разносить телеграммы, приналег на рационализаторскую работу. Наконец, перешел в другой отдел начальником бюро. Однако денег по-прежнему не хватало. На «толчке» за женские сапожки пришлось переплачивать сто, за шубу — двести руб., по 30-70 руб. переплачивали за туфли, по пятьдесят — за хорошую косметику. Деньги, которые я добывал упорным трудом, уплывали в руки во-

Тогда я подумал, чего достиг за девять лет инженерной работы. У меня есть кооперативная квартира, почти без мебели, 170 руб. на книжке — все. А спекулянты, торгующие сапогами, джинсами, полиэтиленовыми сумками, имеют в месяц больше, чем я за год. Они могут ходить в рестораны, кататься на собственных машинах, одевать любовниц в меха и золото. Я же был в ресторане три года назад и не могу прилично одеть жену. Может, я глуп, необразо-

ван, ленив? Нет, просто я был честнее их...

Осознав эту простую истину, я стал жить по-другому. Мои друзья, которые раньше меня поняли, что в жизни надо вертеться (и не в сфере производства материальных благ, а в сфере их распределения), помогли моей жене устроиться экономистом в управление торговли. Теперь она обещивает семью хорошими вещами по государственной цене. Сам пошел работать шофером. Заработок 250-300 руб. чистыми, сшибаю калым, имею даром сельхозпродукты. Недавно купил за 12 тысяч дом. Квартиру оставляю детям. Обзавожусь хорошей мебелью, подумываю о машине. А ведь прошло всего три года, как я обзавелся...

Вот и вся история моей жизни. Легкие рубли победили меня, как и многих других. Ведь не случайно у нас падает престижность технических специальностей. Инженеры работают в торгах, на базах, мясокомбинатах, в магазинах. В то же время на тракторном не хватает ИТР...

(«Правда», 23 июля 1984)

Раньше мы были марксисты: песенные связи двух социализмов

Владимир Фрумкин

Владимир Фрумкин — музыковед. Автор книг и статей о симфонизме, о взаимоотношениях поэзии и музыки, о советской песне — официальной и неподцензурной, в том числе книги «Булат Окуджава, 65 песен» (Ann Arbor, "Ardis", 1980). С 1974 года живет в США, преподает в Оберлин-колледже (Огайо).

Разворачивайтесь в марше!

Владимир Маяковский

Немецкая нация наконец-то готова найти свой жизненный стиль. Это стиль марширующей колонны.

Альфред Розенберг¹

Где-то в начале 70-х, года за два до отъезда из СССР, я услышал о печальной судьбе одной кандидатской диссертации, написанной в Киеве после войны и посвященной музыке Третьего рейха. Диссертацию защитить не дали, на тему наложили табу. Автор, однако, от удара оправился, тему поменял, сделал кандидатскую, затем докторскую, дослужился до старшего научного сотрудника ленинградского НИИ театра, музыки и кинематографии.

Не хотелось мне бередить старую рану маститому коллеге, но велик был соблазн: тема эта сильно меня интересовала, а материалов почти не было. Услышав мой вопрос: не сохранилось ли чего от старой работы: плана, тезисов, библиографии? — доктор Г. как-то потускнел, отвел глаза: дело давнее, ничего не помню, ничего не осталось. И быстро переменял тему разговора.

¹ Alfred Rosenberg. Gestaltung der Idee. München, 1936, S.303. Цит. по: Joseph Wulf. Musik im Dritten Reich. Eine Dokumentation. Sigbert Mohn Verlag, Gutersloh, 1963, S.242.

Дело, конечно, давнее, но испуг выглядел очень уж свежим.

Я вспомнил этот диалог и этот испуг, когда, уезжая, проходил пограничный досмотр в ленинградском аэропорту. Щуплый, полунинтеллигентного вида сержант Женя, пропалывая мою картотеку, вытащил из нее почти все, что относилось к культуре фашизма — немецкого и итальянского. На мое протестующее недоумение сержант реагировал укоряющей усмешечкой: не разыгрывайте наивность, мы-то с вами прекрасно понимаем — возможны нездоровые ассоциации и тому подобное...

Горевал я об утраченных карточках недолго. На Западе все довольно быстро возместилось и даже нашлось кое-что новое, дававшее пищу не для одних только «нездоровых ассоциаций». В музыке гитлеровской Германии и сталинской России, помимо сходных тенденций (тотальная национализация «музыкального хозяйства», декретирование «доступности», «народности» и «реализма», враждебность к высокой духовности, к поискам нового, наступление на джаз, превращение марша в ведущий ритм массовой культуры), были, оказывается, и заимствования. Посредствующим звеном служили немецкие коммунисты. Заимствования шли, большей частью, в одном направлении: слева направо. Стремительно росший идеологический младенец — национал-социализм — нуждался в усиленном питании. Необходимо было, в частности, срочно

создать свою литургию — партийные псалмы, хоралы и гимны, несущие в массы новую веру. Удивительно ли, что в дело пошли и некоторые блюда, изготовленные поварами старшего по возрасту ленинского социализма?

...Сегодня — национал-социалисты

Если бы Ленин, перед тем как покинуть этот мир, побывал в Германии, он услышал бы, как его любимую «Смело, товарищи, в ногу» распевает начинающие штурмовики. Звучала у них эта песня живее, чем в России или у немецких коммунистов — "im flotten Marschenrhythmus"¹. Но мелодия узнавалась легко. Как он обрадовался ей тогда в Шушенском, летом 1898-го, когда Фридрих Ленгник, прибывший в ссылку, чуть не с порога выложил свой сюрприз — новую песню, долгожданную: первый русский (оригинальный, не переведенный) боевой гимн, звонкий, мажорный, без тени размагничивающего слюнтяйства и уныния народнического репертуара. Вышел он таким не по наитию, не из чистого вдохновения: его автор, Леонид Радин (1860-1900) — ученый-химик, поэт, эссеист и революционер — хорошо знал, какие песни нужны зреющей русской революции: «Надо, чтоб песня отвагой гремела, В сердце будила спасительный гнев». Вскоре после этих стихов и сложил Радин свою песню — в одиночной камере Таганской тюрьмы:

Дружно, товарищи, в ногу,
Духом окрепнув в борьбе².
В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе.

Вышли мы все из народа,
Дети семьи трудовой.
Братский союз и свобода —
Вот наш девиз боевой.

¹ В бойком (бесшабашном) ритме марша. См. Hans Bajer. Lieder machen Geschichte. — In: "Die Musik", No. 9, Juni 1939, S.592. См. также: Vladimir Karbusicky. Ideologie im Lied — Lied in der Ideologie, Musikverlage Hans Gerig. Köln, 1973, S.109.

² Первоначальный вариант. Впоследствии пелось: «Смело, товарищи, в ногу, Духом окрепнем в борьбе».

Долго в цепях нас держали,
Долго нас голод томил,
Черные дни миновали,
Час искупленья пробил.

Время за дело приняться,
В бой поспешим поскорей.
Нашей ли рати бояться
Призрачной силы царей?

Всё, чем их держатся троны,
Дело рабочей руки...
Сами набьем мы патроны,
К ружьям привинтим штыки.

С верой святой в наше дело,
Дружно сомкнувши ряды,
В битву мы выступим смело
С игом проклятой нужды.

Свергнем могучей рукою
Гнет роковой навсегда
И водрузим над землею
Красное знамя труда.

Сам подобрал и мотив — из студенческой песни на слова И.С.Никитина, сделав из неспешного старинного вальса волевой и упругий марш. В общей камере Бутырок, перед отправкой в ссылку, он поделился новинкой с товарищами по партии. И песня пошла, быстро вырвалась в первый ряд русских марксистских гимнов. Взяла она оптимизмом, безоглядностью веры в победу. Ильич «никогда не уставал упиваться ее бодрящими звуками»³. Души не чаял в радинском марше и ученик Ильича — Иосиф Джугашвили. «А еще была самая его любимая «Смело, товарищи, в ногу». Сам и запевал», — вспоминал крестьянин села Курейки⁴.

С 1905 года «Боевой марш» Радина — название, принятое в партийной печати, — становится «самой популярной песней массовых рабочих демонстраций... Еще более мощно зазвучал... боевой марш после Февральской революции 1917 года и, в особенности, после Великой Октябрьской социалистической революции. В то время его пела во время уличных шествий вся страна... С первого дня гражданской войны «Смело,

³ П.Н.Лепешинский. Старые песни революции. — «Огонек», № 32 /228/, 1927. Цит. по: «Биографии песен», с. 81.

⁴ «Правда», 1939, № 348 /8033/. Цит. по: В.Куриленков. Большевистские традиции революционной поэзии. — В сб. «Революционная поэзия (1890-1917)», Л., 1950, с. 19.

товарищи, в ногу» становится самым популярным боевым маршем Красной Армии»⁵.

В это время и появилась немецкая версия песни. Сочинил ее видный дирижер Герман Шерхен. Первая мировая война застала его в Риге, он был интернирован русскими властями и стал невольным, а потом — сочувствующим свидетелем Февраля и Октября. Вдохновенные гимны революции и были для него, возможно, одним из главных аргументов в ее пользу. Две песни — «Вы жертвою пали» и «Смело, товарищи, в ногу» — дирижер повез к себе на родину для немецкого пролетариата и включил в 1920 году в репертуар обоих рабочих хоров, организованных им в Берлине⁶. Похоронный марш получил у Шерхена название «Бессмертная жертва», а марш Радина — «Братья, к солнцу, к свободе»:

Братья, к солнцу, к свободе!
Братья, к свету, вверх!
Ярко из темного прошлого
Сияет для нас будущее.

Смотрите, как шествие миллионов
Нескончаемо льется из тьмы,
Пока ваше страстное стремление
Не затопит небо и землю.

Братья, соедините руки!
Братья, смейтесь над смертью!
Навсегда покончим с рабством!
Последняя битва — священна!⁷

В начале 20-х русский коммунистический гимн был подхвачен штурмовиками. Молодцы в коричневых рубашках самозабвенно выводили ротфронтскую песню. Им нравилась эта риторика, сотканная из красивых и высоких неопределенностей, эта лапидарная черно-белая образность: Темное Прошлое — Светлое Будущее, Рабство — Свобода, Земля — Не-

⁵ Е.Гиппиус, П.Ширяева. «Смело, товарищи, в ногу». — В «Биографии песен», цит. изд., с. 86, 78-79, 87.

⁶ См. Inge Lammel. Das Arbeitslied. Rodenburg-Verlag G.m.b.h. Frank. am. M., 1980, S. 112-113, 218-219 u 100 Jahre Deutsches Arbeitslied. Eine Dokumentation. Leipzig, 1973. Begleit- heft, No. 11.

⁷ Не исключено, что образ «последней битвы», отсутствующий в русском оригинале, попал в сознание Шерхена из припева «Интернационала».

бо, Жажда Битвы — Презрение к Смерти. Нравилось называть друг друга «братья» и «товарищи» и ощущать себя частичкой крепко сплоченной миллионной массы, идущей в последний решительный бой.

По тем же фразеологическим рецептам изготовлена и добавленная вскоре новая 4-я строфа:

Свергните гнет тиранов,
Бесконечно пытавших вас.
Размахивайте знаменем со свастикой
Над страной рабочих.

Несмотря на появление чуждой детали — черной свастики на знамени (цвет которого, однако, оставался красным), эти новые строки даже ближе радинскому стиху, чем весьма своеобразный перевод Шерхена: они (намеренно? случайно?) почти дословно воспроизводят последнюю строфу русского оригинала.

Как именно мигрировали песни из одного идеологического лагеря в другой (процесс этот шел до 1933 года), рассказывает композитор-нацист Ганс Байер:

«Стычка в пивной или драка на улице между СА (штурмовые отряды. — Ред.) и марксистами, на стороне которых часто был численный перевес, нередко кончалась тем, что на следующий день к штурмфюреру являлось множество избитых марксистов с просьбой о вступлении в его отряд. Сначала их притягивало уважение к людям, которые были храбрее и лучше умели драться. Однако вскоре идеи национал-социализма вдохновляли их так же, как остальных товарищей из Штурма. Хорст Вессель умел мастерски перетягивать лучших парней из марксистских формирований в свой отряд, назло их прежним товарищам по партии. Ясно, что эти люди принесли с собой песни, возникшие в лагере красных. Но после нескольких поправок в тексте их пели и в СА. Песня «Братья, к солнцу, к свободе!» укоренилась в СА без каких бы то ни было текстовых изменений. Ее мелодия происходит из «Марша русских красногвардейцев»»¹.

¹ Hans Bajer, op. cit., S.592 (см. также книгу В.Карбусицкого, с. 108-109). Русский перевод заимствован из статьи Йосефа Шкворецкого «Жгучая

Начиная с 1927 года, песенный репертуар СА пополняется тремя новыми вариациями на тему радинского гимна. Вот первая из них:

Братья в рудниках,
Братья за плугом,
Из фабрик и жилищ,
Следуйте за нашим знаменем!

Гитлер — наш вождь,
Его не купить золотом,
Катящимся с еврейских тронов
К его ногам.

Час расплаты придет,
Однажды мы будем свободны:
Трудящаяся Германия,
Разбей свои оковы!

Мы Гитлеру преданы верно,
До смерти верны мы ему!
Когда-нибудь выведет он
Нас из этой нужды.

Интонационно и ритмически обе тоталитарные идеологии неразличимы, как однояйцевые близнецы.

И пусть знамена реют,
Чтобы видели наши враги.
Мы будем непобедимы,
Пока едины мы.

Здесь картина гораздо яснее, чем в первой нацистской версии (перевод Шерхена с новой 4-й строфой). Сквозь фразеологический туман проступают приметы иной идеологии, прорезается ее главный родовой признак — расизм. И, чтобы еще резче отмежеваться от красных, в шестом за-

тема» («Континент», № 33, с. 252). Вслед за переводчиком этой статьи (первоначально напечатанной в Канаде, в чехословацком журнале «Запад»), принявшим «Марш русских красногвардейцев» за советскую «Молодую гвардию», я сделал аналогичную ошибку в своей статье «Технология убеждения: заметки о политической песне» («Обозрение», № 5, с. 19). Источником песни «Братья, к солнцу, к свободе» у меня указана, вместо «Смело, товарищи, в ногу», «Молодая гвардия» («Вперед заре навстречу»), слова А.Безыменского, 1922. В ошибочности этой атрибуции я убедился летом 1984 года, работая в архивах Западной Германии, куда я поехал благодаря гранту, полученному от Оберлинского колледжа.

вершающем куплете коричневые — с великолепной непосредственностью — выпаливают:

Раньше мы были марксисты,
Ротфронт и социал-демократы,
Сегодня — национал-социалисты,
Бойцы НСДАП!

Концовка песни должна была, по-видимому, звучать нравуочно: вот, дескать, мы обратились в новую веру — и вполне довольны; дуйте, ребята, за нами, перековывайтесь, пока не поздно! Уловление душ, пополнение личного состава было главной заботой и у коммунистов. Обе партии, в сущности, не столько враждовали, сколько соперничали. Враг же у них был общий — демократия, хилая Веймарская республика. И панацея от бед народу предлагалась одинаковая — однопартийная диктатура. Одинаковой поэтому была и аргументация, и тип риторики: братья и товарищи, рабочие и крестьяне, стройтесь в колонны! вперед, на священную битву ради сияющего впереди будущего; свергните гнет буржуазного государства, государства богачей и тиранов; разорвите цепи, разбейте оковы, выше вздымайте кровавокрасное знамя, боритесь за свободу и право; мы выведем Германию из нужды, кончится рабство, сгинет террор.

Разница была в именах, терминах, цветовых деталях. Вот, например, как выглядело песенное состязание немецких коммунистов и нацистов на тему о ненавистной демократии и развязанном ею «терроре».

Нацисты:

Мы живем в свободном государстве,
Но свободы ни следа.
Вместо нее царит в нашей стране
Террор красной диктатуры.

Коммунисты:

Мы живем в «свободном» государстве,
Но свободы ни следа.
Вместо нее царит в нашей стране
Белый ужас, ужас — террор!²

Марш, марш вперед...

Но вернемся к судьбе радинского марша в Германии. Вот еще две нацистских версии:

² V.Karbusicky, op. cit., p. 18.

Братья, стройтесь в колонны

Братья, стройтесь в колонны!
Слушайте тысячеголосый крик:
Германия, мря Германия, мы идем,
Германия, мы боремся за твою свободу!

Слышите, как мертвые вопиют:
Трудовая Германия в нужде,
В бою разверните наши знамена,
Красные, как кровь, и черные, как
смерть.

Братья, мы завершаем дело.
Освободитесь от оков!
Германия! Великая Германия, мы идем,
Мы творим тебя единой и великой!

Гордо летят знамена

Гордо летят знамена
И развеваются флаги,
Когда мы, верные предкам,
Смело идем на бой.

Война всему обыденному,
Война за свободу и право,
За свободный от фальшивого блеска
Немецкий род.

Свастика на флажках
Летит высоко вперед!
Болваны Москвы и еврейства
Начинают дрожать.

Пусть проклинают нас они
Или смеются над нами.
Когда-то Германия была в пламени —
Теперь мы идем к победе.

Пусть они убивают и жгут,
Подобно нелюдям.
Выше знамена! Мы пробиваем путь
Третьему рейху.

Пусть они поступают так же и впредь,
Но скоро придет наш день.
И тогда проснется Германия
И падет красный позор!

СА в коричневой форме
Готовы всегда и везде;
Мы клянемся нашему знамени,
Клянемся Германии.

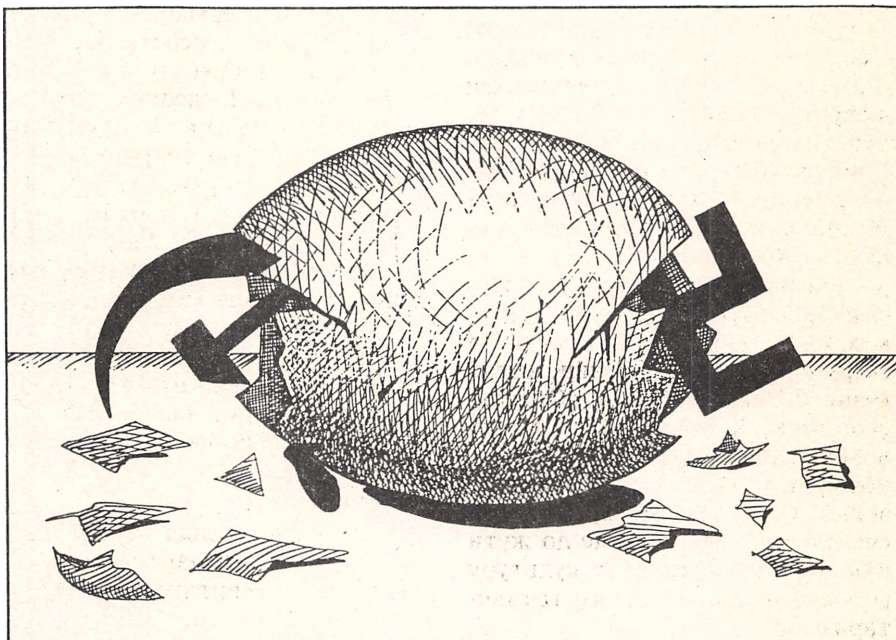
Пусть звучит «Хайль Гитлер!»
Далеко, далеко в полях.
И даже когда мы падем,
Мы будем верны нашей клятве.

Кровь течет не напрасно!
Мы путь пробиваем себе!
И мертвые возвестят Германии
Свободную, вольную жизнь!

Если в первой версии только два «опознавательных знака» — черные фрагменты на красных знаменах и «Великая Германия», то во второй их гораздо больше. Здесь и «немецкий род», и свастика, и «болваны Москвы и еврейства», и Третий рейх, и «красный позор», и «СА в коричневой форме», и наконец — «Хайль Гитлер». Но приемы риторики, стиль речи — те

же, что и в русском оригинале и его коммунистической немецкой вариации. И вот что существенно: во всех интерпретациях остается неизменным нечто такое, что действует помимо слов, апеллируя к подсознанию поющих и слушающих. Остается эмоционально-волевой подтекст, излучаемый интонацией, тоном песни, ее мелодией, а она — едина во всех вариантах. Вот несколько ее типичных характеристик — из тех, что даются гимну Радина марксистскими авторами: «могучий

«устремление вперед», «героическое действие» — это был тон, манера, способ изъясняться, которым утверждали себя, пробиваясь в души миллионов, обе тоталитарные идеологии. Интонационно и ритмически они неразличимы, как однояйцевые близнецы. Господствующий ритм, под который росли и крепили оба режима, — ритм героического марша. Обе страны в 30-е годы были охвачены настоящей маршевой эпидемией. Марш, становящийся (в относительно мирное время) ритмиче-

мотив»¹, «смелый бодрый революционный марш»², «от мелодии радинского гимна исходит могучая сила, она насквозь мажорна и словно пронизана ослепительным светом»³.

Среди этих определений нет ни одного, которое не подходило бы в самый раз и немецко-фашистским оборотням марша Радина. «Могучий», «смелый», «бодрый», «могучая сила», «энергичный», «решительный призыв»,

ским наваждением целой нации, — верный признак серьезного социального заболевания.

Советская «Музыкальная энциклопедия» весьма тяжеловесно определяет марш как «музыкальный жанр, сложившийся в инструментальной музыке в связи с задачей синхронизации движения большого числа людей (движение войск в строю, праздничные и церемониальные шествия)...». Между тем, политическая песня-марш синхронизирует не столько движение, сколько психику толп и наций. Она призвана «объединить сознание, волю и чувства масс в действии»⁴, заразить «их одинаковым настроением или порывом

¹ Ежемесячник «Красное знамя», Союз русских социал-демократов, Женева, № 3, 1903. Цит. по: «Биографии песен», с. 82.

² В.Бонч-Бруевич. «Смело, товарищи, в ногу». — «Советская музыка», № 12, 1955.

³ М.С.Друскин. Русская революционная песня. Л., 1959, с. 19.

⁴ М.С.Друскин. Интернациональные традиции в русской революционной песне. — В его же книге «Исследования. Воспоминания», Л., 1977, с. 79.

к действию, сплотить их и повести за собой»¹⁵.

Не странно ли: советская Россия стала крупнейшим мировым экспортером политического марша, не имея за плечами национальной маршевой традиции. Дореволюционная Россия безнадежно отставала по этой части от Европы. Маршевые песни и гимны — символы революционных и национально-освободительных движений — уже давно пелись французами, испанцами, венграми, немцами, поляками, чехами, а в России все еще относились к маршу настороженно. Русские композиторы нередко прибегали к его ритму, чтобы передать силу чужую, «нерусскую», враждебную. («Марш Черномора» в опере Глинки «Руслан и Людмила», «Половецкий марш» в «Князе Игоре» Бородина, марш «петровцев» в «Хованщине» Мусоргского, у Чайковского: обработка «Марсельезы» в увертюре «1812 год», механический злобный марш в скерцо Шестой симфонии, сцена казни Жанны д'Арк в «Орлеанской девице». Традиция сохранилась вплоть до Шостаковича: достаточно вспомнить маршевые эпизоды Пятой, Седьмой, Восьмой симфоний — гротескные до жути пародии на маршевую культуру германского и советского тоталитаризмов.)

В высшей степени показательна история создания обоих мелодических прообразов марша Леонида Радина — студенческой «Медленно движется время» и каторжной «Славное море, священный Байкал». Их тексты, вначале опубликованные как стихотворения (в 1858 году в Петербурге), были распеты через несколько лет, около середины 60-х. Источником мелодий послужил припев популярной польской повстанческой песни «За Неман», шедшей в ритме марша². Но польский мотив распели с русскими стихами — по-русски, широко и свободно, сломав железный костяк марша, чуждого русскому уху и сердцу. Через тридцать с лишним лет Радин, со-

чиняя свою песню, невольно реставрировал первоначальный ритм, вернув мелодии ее исконный чеканный шаг. К этому времени маршевая песня в субкультуре русских революционеров-подпольщиков уже превратилась в один из самых почитаемых жанров. В непостижимо короткий срок — через каких-нибудь 30 лет после того, как Радин (в 1897 году) создал первый русский оригинальный «боевой марш», — Россия стала лидирующей маршевой державой мира. На юго-запад от нее звенели марши фашистской Италии, в Германии печатали шаг, стараясь перепеть друг друга, коммунисты и национал-социалисты. Последние торопятся разработать социально-психологическую теорию марша. Некий Dr. St. написал статью «Завтра мы будем маршировать», которую в журнале «Советская музыка» (№ 10, 1934) комментировал Б. Михайловский (тогда у нас — благодаря успешно работающему механизму двоемыслия — еще не опасались нездоровых ассоциаций, хотя о значении марша и маршевой песни писалось примерно то же):

«С точки зрения фашистско-милитаристских запросов автор подходит к критике фокстрота, джазбанда, с его, так сказать, «штатскими» ритмами... Автор особенно ценит марш за его властное действие на наше бессознательное начало — даже у самых немusыкальных людей. Ничто не передается с такой «внушающей принудительностью», как переживание общего, «коллективное переживание массы». Поэтому марш может помочь «музыкально управлять большими массами. В этом заключается первичное назначение марша». Автор желает широкого внедрения марша в современный быт».

То, чего желал доктор St., наступило очень быстро: с 1933 года внедрением марша в Германии занялось государство — по примеру Италии и СССР. Этим трем странам и суждено было выработать международный интонационный стиль тоталитаризма, подобного тому, как ими же был создан единый художественный язык — тоталитарный стиль изобразитель-

ного искусства³. «Голоса» коммунизма, фашизма и национал-социализма звучали почти неотличимо, и не только в сфере массовой музыки, но и в области официальной и художественной речи: с трибун митингов и собраний, из радио, со сцены, с киноэкранов во всех трех странах неслись интонации, налитые горделивым сознанием силы и величия, исполненные мессиианской проповеднической страсти.

Единство интонационной манеры, вдобавок к однотипности словесной риторики, облегчало обмен песнями. Причудливый зигзаг прочертила песня "Auf, auf zum Kampf", популярная (с 1914 года) в кайзеровской армии. Ее первая строфа заканчивалась так:

Кайзеру Вильгельму дали мы присягу,
Кайзеру Вильгельму мы руку подаем
(имелась в виду рука помощи).

С 1920 года бравая песня зазвучала в стане коммунистов («Карлу Либкнехту дали мы присягу, Розе Люксембург мы руку подаем»), а вскоре — и у штурмовиков («Адольфу Гитлеру дали мы присягу...» и т.д.)⁴.

Еще более извилистый путь прошла другая солдатская песня времен первой мировой войны — о гибели юного трубача-гусара. Коммунисты переделали ее в 1925 году, после того как на предвыборном митинге Эрнста Тельмана случайная полицейская пуля сразила маленького горниста Фрица Вайнека:

Из всех наших товарищей
Никто не был так мил и так добр,
Как наш маленький трубач,
Наш веселый красногвардеец.

После убийства коммунистами в феврале 1930 года штурмфюрера Хорста Весселя возник нацистский вариант:

Из всех наших товарищей
Никто не был так мил и так добр,
Как наш штурмфюрер Вессель,
Наш веселый свастиканосец.

Окончание см. в след. номере.

¹ А.Сохор. Русская советская песня. с. 15.

² «Биография песен», с. 86.

³ См. об этом: И.Голомшток. Язык искусства при тоталитаризме. — «Континент», № 7, с. 335.

⁴ Alexander von Borman. Das nationalsozialistische Gemeinschaftslied. — In: "Die deutsche Literatur im Dritten Reich", Stuttgart, 1976, p. 265.

Как врут календари

Елена Гессен

*Елена Гессен —
литературный критик
и переводчик.
Автор многих статей
о советской
и западноевропейской
литературе.
С 1981 года
живет в США.*

Времена отрывных календарей, популярных в скучное послевоенное десятилетие, давно прошли. Сегодня их можно увидеть разве что только на картине Федора Решетникова «Опять двойка». На стенах место толстопузых в начале года и тощих под конец календарей заняли внесезонно изящные календари Внешпосылторгов и Мехимпорта, а то и вовсе иноземные издания с подмигивающими японками. Но дух и стиль скромных черно-белых отрывных календарей сохранился в их сегодняшних собратьях, цветных иллюстрированных настольных календарях, разделенных по тематике и предназначенных для определенного круга потребителей.

Перед нами — три образца из числа таких специализированных календарей: «Календарь школьника» (Политиздат, тираж 800.000 экземпляров), «Молодежный календарь» (Политиздат, тираж 1.200.000 экземпляров), «Календарь воина» (Воениздат, тираж 100.000 экземпляров). Пропагандистские цели этих изданий заявлены на первой же странице с подкупающей откровенностью: «Молодежный календарь», к примеру, открывается цитатой из Ленина «от успеха работы среди молодежи в значительной мере зависит судьба революции». Этим словам вторит цитата из Черненко насчет нужной нам молодежи: такая, «которая не согнется под грузом исторической ответственности за судьбы... социализма и мира». Невольно проникаешься сочувст-

вием к бедной советской молодежи: за что ей выпало тащить на себе такую тяжесть?

Темы статей в «Молодежном календаре» и в «Календаре школьника» привычные, давно набившие оскомину: романтика трудового подвига — здесь, конечно, пальму первенства уже который год продолжает удерживать БАМ («БАМ — доносится как залп праздничного салюта, грохочущего в стенах освобожденного города», — упивается пафосом литовский поэт), счастливая жизнь в социалистических странах и горькая доля детей и молодежи в мире капитала, которые все так же, в духе 50-х — 60-х годов, скитаются в поисках работы, сражаются на баррикадах классовой борьбы, не имеют возможности учиться. Забавно, что в материалах об участии детей и подростков в классовых битвах действие неизменно происходит никак не позже начала 60-х годов: оттого, вероятно, что годами отработанная, проверенная информация безопаснее в употреблении.

Разумеется, календари — абсолютно неподходящий источник для получения хоть сколько-нибудь вразумительного представления о жизни советской молодежи, однако кое-какие ориентиры подбор статей все же дает: в обоих календарях львиная доля материалов посвящена профессионально-техническим училищам — ПТУ, особенно много их в «Календаре школьника». Это вполне логично: профориентация и трудовое воспитание — ключевые

пункты последней школьной реформы; ПТУ, однако, несмотря на широкообещательные рекламы и заманчивые обещания, не пользуются популярностью ни среди школьников, не желающих идти на заводы, ни среди родителей, в массе мечтающих о высшем образовании для своих детей. А попытка автоматически отчислять из школ и передавать профтехучилищам троечников, судя по всему, провалилась благодаря дружному противодействию родителей. Так что приходится воздействовать на эмоции подрастающего поколения.

В «Календаре школьника» — явно непропорциональное количество материалов на антирелигиозные темы. Из статьи «Русская православная церковь и просвещение», написанной с полемическим задором, юный читатель узнает, что «церковь никогда не играла благотворной роли в просвещении масс». А статья «Почему плачут иконы», разоблачающая обманы церковников, подкрепляется цитатами из Циолковского и Горького, заявляющих о своем неверии в сверхъестественное и призывающих «ниспровергнуть» всех богов. Прием эффективный: дети этого возраста — а календарь рассчитан на учеников 4-6 классов — ужасно любят находиться «в мире мудрых мыслей». В «Молодежном календаре» материалов о религии раз-два и обчелся, но один стоит многих. Статья «Назвали клуб "Истина"» начинается так: «Первокурсница Марина ликовала. Наконец-то ей привезли из-за границы долгожданный подарок — маленький золоченый крестик. ...Нет, Марина не была верующей. Но считалась модницей». Маринины однокурсники, проявив бдительность, свели ее в клуб «Истина» — центр атеистической работы Московского института стали и сплавов (заметим в скобках, что это один из крупнейших технических вузов столицы, и существование при нем атеистического клуба представляется примечательным фактом: очевидно, обязательного курса «научного атеизма» для будущих инженеров оказывается недостаточно). О работе клуба рассказано в самых общих словах — однако вот интересный момент: «в деятельности атеистического клуба самое важное

— побудить молодых людей размышлять, научить их самих делать выводы». Многозначительная фраза, к тому же построенная в полном соответствии с приемами советской риторики: размышлять, чтобы прийти к заранее известным — «верным атеистическим истинам» — вроде как и ни к чему, а что если размышление приведет к выводам неожиданным, не запрограммированным организаторами клуба? Такое ведь тоже бывает.

Среди тех, чьи юбилеи выделяют в этом году календари, бросаются в глаза две фамилии — Крыленко и Зощенко. О Крыленко, столетие со дня рождения которого отмечает «Молодежный календарь», сказано скромно и просто: «советский государственный и партийный деятель». Главка из повести Матюшина «Преданность» запечатлевает главного обвинителя во время подготовки суда над эсерами после покушения на Ленина. Впрочем, вопросы юриспруденции меньше всего интересуют автора, его задача — создать обаятельный человеческий образ. У главного обвинителя — мальчишеская улыбка, рубашка с закатанными рукавами, он катается на велосипеде, «словно гимназист», и увлекается шахматами и альпинизмом. С таким простецким милым человеком просто невозможно ассоциировать представление о жестокости или беззаконии.

Довольно хитро обошлись с Зощенко, дав отрывок из воспоминаний Корнея Чуковского, где речь идет о невероятной популярности писателя в 20-е годы и ни слова о постановлении 1946 года, об ужасающем последнем десятилетии жизни Зощенко, о его страшной болезни и смерти — зачем омрачать юбилейные даты.

Тем же методом создана и статья в «Календаре война» о Блюхере — биография военачальника завершается фразой: «Летом 1938 г., в период разгрома японских милитаристов у озера Хасан, В.К.Блюхер командовал войсками Дальневосточного фронта». Что приключилось с В.К.Блюхером дальше, почему долгие годы его имя вымарывалось из историй

гражданской войны — об этом молчание...

Но юбилеи юбилеями, а главным героем календарей остается Ленин. Цитаты из Ленина избильно разбросаны по страницам всех изданий. «Календарь война» открывается подборкой на несколько страниц «Живое ленинское слово». Самое поразительное, что, действительно, живое. Многие высказывания едва ли не семидесятилетней давности звучат выдержками из вчерашней передовицы «Правды». Например, «наши шаги к миру мы должны сопровождать напряжением всей нашей боевой готовности» — куда как четко сформулировано: тут уместилась вся философия сегодняшней советской стратегии. Не менее актуально звучат и с любовью подобранные составителями календаря ленинские обвинения в адрес американских империалистов, которые «набрали сотни миллиардов долларов. И на каждом долларе следы грязи... На каждом долларе следы крови». Вообще, США — главный враг, коварный, преследующий «имперские амбиции», рассчитывающий «перекроить мир по своей мерке», — то и дело возникает на страницах календаря грозным предупреждением советским солдатам. «Выше бдительность, воин», — призывают составители.

Детям, не достигшим призывного возраста, любовь к дедушке Ленину внушается другими способами. Своими наблюдениями относительно любимого вождя делится со школьниками абхазский поэт Дмитрий Гулиа:

Он был человеком, как все мы.
Но больше
В глазах у него доброты.
Он был человеком, как все мы.
Но больше
В нем мудрости и простоты.

Дальше выясняется, что в нем больше «солнечной радости» и что он «видел всех дальше, он видел всех лучше». Такие, с позволения сказать, стихи, рассчитанные разве что на детсадовский возраст, соседствуют в календаре с цитатой из Черненко, наполненной заунывно-серьезными словосочетаниями: «взаимовыгодное сотрудничество», «конструктивные переговоры», «ответственность

перед народами»... Этот набор стандартных и довольно бессмысленных фраз ни один школьник понять не в силах. Однако, может, именно в этом и заключается хорошо рассчитанный пропагандистский прием: изреченное главой государства вовсе не обязательно понимать, достаточно запомнить.

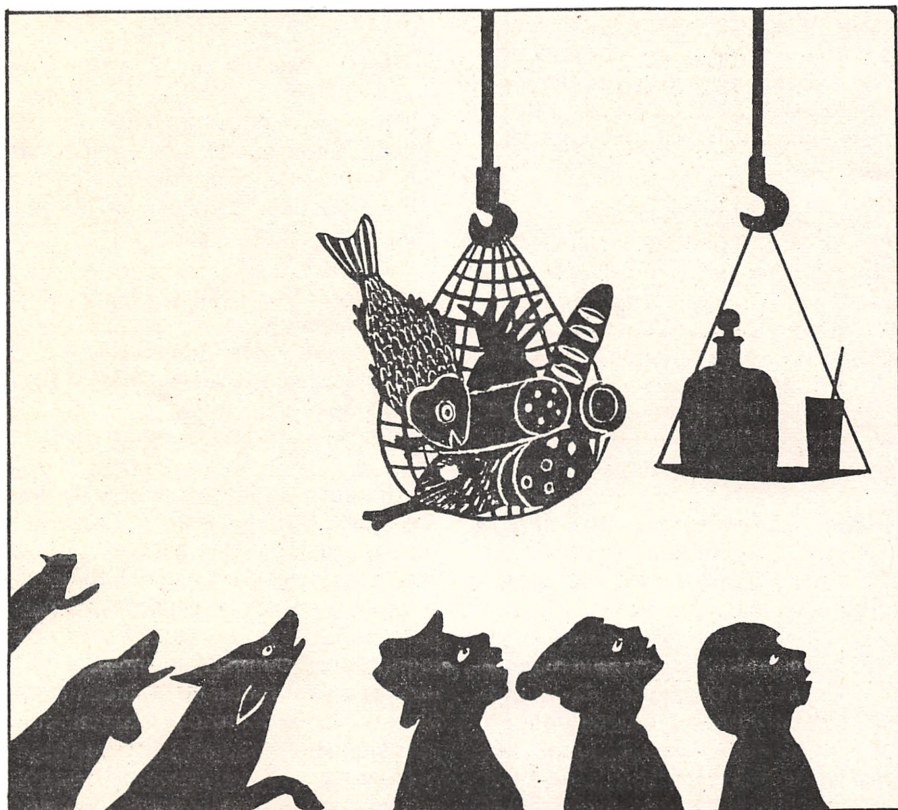
Второе место — после Ленина — по количеству цитат занимает, разумеется, Черненко (календари подписаны в печать в августе 1984 года). Он сразу вслед за Ильичем предстает главным учителем жизни и воспитателем. Особенно четко ощущается его присутствие в этом качестве в «Календаре война». «Чувства любви к родине и ненависти к ее врагам, высокая политическая и классовая бдительность», а также «постоянная готовность к подвигу», о воспитании которых говорит в цитируемой здесь речи Черненко, вырабатываются на примерах подвигов военных лет, на рассказах о выдающихся военных операциях минувшей войны, на выдержках из приказов Верховного главнокомандующего, прозорливый и

мудрый облик которого регулярно возникает на страницах календаря — в строго документальном обрамлении. Ни слова — о трагедии первых месяцев войны, о поражениях, об отступлении — только парадная сторона войны, победы, наступления, освобождение братских стран, салюты. Переименованная, перекроенная, подогнанная под нужную мерку история.

И под конец — крошечное лирическое отступление с ностальгическим оттенком. Отрывные календари начала 50-х не только пропагандировали, учили, убеждали и звали куда-то — хотя, конечно, этого всего было там предостаточно. Но находилось все же место для хороших стихов, мелькали на отрываемых листочках имена Тютчева, Фета, Плещеева. Почему-то эта традиция целиком ушла из нынешних настольных календарей. Стихи есть, но все — где-то возле уровня процитированного Гулиа. И даже у Твардовского составители ухитрились выбрать ужасающие строки, какие и опубликовали под снимком Красной площади:

Взвивайся, Ленинское знамя,
Нам осеняя путь вперед!
Под ним идет полмира с нами,
Настанет день —
Весь мир пойдет.

...На дворе сейчас сентябрь, и в московских издательствах уже лежат залитованные экземпляры новых календарей. В конце декабря, в суматошной толчее предновогодней торговли, они окажутся на прилавках книжных магазинов и в киосках «Союзпечати». Что там будет нового? Кто знает. Точно можно сказать одно: цитаты из Черненко заменятся высказываниями Горбачева, «живое ленинское слово» останется на месте; скорее всего, в связи с усилением ориентации на научно-технический прогресс возрастет доля статей о науке и технике. А в остальном — все так же будут бродить по дорогам Америки голодные и обездоленные дети, так же самоотверженно будут строить советские парни и девушки нескончаемый БАМ и так же грозно — но совсем не страшно для советского воина — будут брехать оружием империалисты всех мастей и оттенков. □

ПОЧТИ ЧТО ЮМОР

А не «в основном»?

«Поведенческая реакция на голод и жажду исследуется в основном в экспериментах с животными».

(«Коммунизм и управление общественными процессами», том 4. Л., ЛГУ, 1982, стр. 84)

Возникновение и феномен неконформистской литературы в среде молодежи в 60-е годы

Юрий Мамлеев

Начало 60-х годов было, на мой взгляд, в известном смысле поворотным пунктом в истории культуры в Советском Союзе. В этой статье я коснусь лишь одного аспекта сложного литературного процесса того времени — возникновения и феномена неконформистской литературы в среде молодежи. Ведь именно тогда появились первые самиздатские журналы, неофициальные литературные кружки и салоны.

В поисках иной реальности

В конце 50-х годов начались знаменитые поэтические выступления около памятника Маяковскому, которые собирали толпы народа, — уникальное явление даже для того бурного времени. В выступлениях активно участвовала литературная молодежь, поколение родившихся в 30-40-е годы.

Первыми самиздатскими журналами были, как известно, «Синтаксис», «Феникс», позже — «Сфинкс», связанные с именами Александра Гинзбурга и Юрия Галанскова. Вскоре в самиздатской литературе замелькали имена молодых поэтов — Владимира Ковшина, Михаила Каплана, Аполлона Шухта, Анатолия Шукина, Юрия Стефанова и других. Особенным успехом пользовался «Человеческий манифест» Юрия Галанскова. Позже появилось общество молодых поэтов и писателей — СМОГ, руководимое одним из

лучших русских поэтов последнего двадцатилетия Леонидом Губановым.

На заре шестидесятых стихийно возник и мой литературный кружок, разросшийся в своеобразное духовное сообщество. Мы собирались у меня на квартире, недалеко от Пушкинской площади, Южинский переулок д. 3, кв. 3, два-три раза в неделю, по вечерам. К тому времени в Москве уже существовали «подпольные» литературные салоны, и когда я, тогда уже неконформистский писатель, объявил друзьям, что буду устраивать у себя, в своих двух комнатах на Южинском, чтения своих рассказов, — это никого не удивило. Такого рода чтения были уже распространены. «Вход» был более или менее свободный, точнее — по рекомендациям друзей.

Собиралось у меня за вечер иногда до нескольких десятков человек, в основном молодежь. Часто возникали новые лица, но ядро — так называемый внутренний круг — оставалось довольно постоянным. Одновременно мне устраивали чтения в других местах, например, у людей, которые меценатствовали и организовывали на своих вместительных квартирах настоящие литературные собрания. Увлечение новыми явлениями было почти повальным.

К середине 60-х встречи на Южинском прекратились: сгущались тучи, вполне возможны были всякие административные неприятности. Чтения пришлось рассредоточить по нескольким домам...

**Юрий Мамлеев —
литератор.
С 1974 года живет
на Западе,
где опубликовал книгу
"The Sky above Hell"
(«Небо над адом»), 1980).
сборник рассказов
«Изнанка Гогена», 1982 и др.
В СССР
произведения Ю.Мамлеева
распространяются
самиздатом.**

Итак, чем же мы занимались?
В основе лежали не столько какие-либо идеи или мировоззрение, сколько творчество в целом. Литературное творчество всегда многозначно, оно включает не только идеи, но и символы, импульсы, намеки, настроения, образы, скрытые тенденции... Главным поэтому было чтение рассказов, потом следовали стихийные дискуссии, обсуждения, споры, часто до глубокой ночи или до утра.

Таким образом, без некоторого объяснения характера воздействия моих рассказов нельзя понять то, что происходило на Ожинском. Я остановлюсь не столько на литературной стороне моих рассказов того времени, сколько на психологическом аспекте их воздействия, на вопросе о том, почему они влияли на весьма разных людей, окружавших меня в ту пору.

На мой взгляд, важнейшую роль играло восприятие реальности. Многим — в среде интеллектуальной, ищущей молодежи — смертельно надоела та убогая, одномерная интерпретация мира, которую только и позволяло официальное искусство 50-х—60-х годов. Поведение и психология героя в официальных романах того времени в большинстве случаев были слишком «нормальными», и всё, связанное с печатным словом, давало крайне упрощенную, плоскую картину жизни и человека. Самое сложное, интересное, тайное, глубинное, даже «сверхъестественное» из этой картины полностью исчезало. Но ведь и мир и человек устроены иначе.

Поэтому жажда «глубин», «парадоксов», «тайн» была естественной реакцией молодежи на примитивную, скучную панораму мира и космоса, которая выдавалась наивным официозом за «действительность». А ведь это были поколения, которые ощущали за своей спиной дыхание таинственной, глубинной и далеко не познанной до конца русской культуры, от иконотворчества до Достоевского. Не удивительно, что гениальный роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», опубликованный позднее, в 1966 году, оказал и продолжает оказывать непреходящее влияние на умы в России.

Мои рассказы (к большой форме я перешел позже) весьма отве-

чали жажде некоторой части молодежи видеть мир многомерным и неоднозначным.

Один из наших принципов был довольно прямо выражен в следующем отрывке из моего рассказа «Петрова»:

«— Семен Кузьмич сегодня умер.

— Как, опять?

В ответ всплеснули руками...»

Помню, в этот момент во время чтения часто раздавался истерический смехок. И суть заключалась, конечно, не в стремлении к абсурду (ради абсурда), а как раз в обратном: такие строки давали понять, в «сюрреалистической» форме, что в феномене смерти есть что-то лежащее далеко в стороне

Желание раздвинуть «стены» реальности — одно из самых фундаментальных неистребимых свойств человека.

от любых рационалистических догм, религиозных или научных.

Но и сама жизнь, даже «повседневная», в моих рассказах подавалась именно в том ключе, в каком она «предчувствовалась» большинством моих слушателей. Приведу лишь один, довольно гротескный, пример:

«Ната, надувшись чаю, бродила из угла в угол и пела песню, одну и ту же, надрывно-бессмысленную. Федор ложился спать, прикрывшись томиком Сведенборга. Он был разбит и мог читать не только Сведенборга, но сестра, напротив, была придурковата и читала только по слогам, хотя и любила слушать сказки. И еще она любила смотреть на закаты, только делала это не как все люди...»

Соседи считали их ангелами, поэтому боялись их и прятались по своим щелям. Впрочем, один извращенный тип угодил в Натину голову камнем, хотя она и так была дурна».

...Такие феномены, как парадоксальные человеческие реакции, выход из причинно-следственного круга, дающий впечатление «безуминки», достаточно традиционны для русской литературы и, к тому же, образуют составную часть иной, внерационалистической кар-

тины мира. Видимо, такого рода описания совпадали с подспудным мироощущением моих слушателей, для которых даже обычная рутинная реальность отнюдь не была чем-то закаменевшим и наивно-познанным.

Значительно более важными, однако, были следующие намеки, явно выходящие за пределы повседневного «внерационализма»:

«И тогда Саня опустошенно-великой душой своею увидел незапный край. Это был конец или начало какой-то сверхреальности, постичь которую было никому невозможно и в которой само бессмертие было так же обычно и смешно, как тряпичная нелепая кукла.

И всевышняя власть этой бездны хлынула в сознание Сани. Для мира же он просто пел, расточая бессмысленные слюни в пивную кружку».

Я думаю, именно это присутствие иной реальности — присутствие, которое в других моих рассказах чаще всего ощущалось по подтексту, символике ситуаций и всей атмосфере в целом, — и привлекало так моих слушателей.

За чтением следовали стихийные обсуждения, споры, но затронуть эту тему значило бы перейти к иному предмету: характеру нашего общения и самой идее духовной дружбы. Здесь же более закономерен другой вопрос: какая философия, какое мировоззрение лежали в основе этих дискуссий, чем в сфере идей мы интересовались?

Предтечи и последователи

Как я уже говорил, главным был подтекст, намек, иное восприятие реальности, а не какие-либо учения или системы идей. Разумеется, каждый вносил в эти дискуссии свой собственный мировоззренческий опыт. Поэтому то, что мы называли «рассказом», «реальностью», «собственным переживанием», «случаем из жизни», испытывалось духовно и проверялось нами как на базе нашей собственной интуиции, на базе, если хотите, собственного философского творчества, так и на базе уже «прочитанного», «услышанного», то есть на базе преды-

душей духовной культуры. Диапазон таких «предыдущих» идей был очень широк, он включал восточную метафизику, оккультизм, древние мифы и современные эзотерические теории. Но все эти идеи, почерпнутые из таких источников, играли, так сказать, параллельную роль: главным было переживание собственного опыта, хотя многие из этих идей как бы продолжали и дополняли этот опыт. Например, некоторые суфийские притчи — во всей их загадочности и многомерности — давали концепцию реальности, не слишком далекую от нашего видения. Их чтение вполне вписывалось в наши хаотические вечера, озаренные дружбой, отчаянием, взлетами и бытовым полубредом.

В кругах, с которыми я общался, имелся еще и важнейший аспект религиозно-метафизического творчества. В атеистическом государстве это уже само по себе было проявлением неконформизма, желания жить самостоятельной духовной жизнью. И все это происходило (по крайней мере, по моим наблюдениям) на самом высшем духовном уровне: обсуждались, например, книги Павла Флоренского и Мейстера Экгарта (особенно проблема Бога и человеческой души), метафизический символизм Якова Беме, наиболее скрытые моменты теософии Елены Блаватской, индуистская космология, сфера смерти, конфликт между Эго и божественным Я, эзотерические аспекты юродства... Даже простой перечень того, чем «интересовались», занял бы многие страницы. Одним словом, это была глубинная духовная жизнь...

Откуда мы брали все эти эзотерические тексты? Частично даже из библиотек. Одно время такую литературу можно было читать, например, в Ленинской библиотеке. Тексты тут же — по возможности — переснимались и распространялись. Наконец, в Москве уже тогда существовал довольно обширный черный книжный рынок, где можно было купить практически все — от сочинений Якова Беме и Бхагавад-гиты до почти неизвестных текстов поэта 20-х годов Тихона Чурилина или антропософских писем Андрея Белого. Были в Москве и библиотеки частных лиц, были люди, сохра-

нившие различные духовные традиции и желавшие передать их.

Остается вопрос о нашем воздействии на более широкие круги. Думаю, что наше влияние, как ни странно, не было ограниченным. Причина этого, по моему мнению, в том, что мы передавали импульсы, психологические и метафизические настроения, неизбежность и своевременность которых — сознательно или подсознательно — ощущалась немалым количеством свободномыслящих людей. Поэтому то восприятие реальности, которое мы «распространяли», переживалось как «свое» самыми разными людьми, в других отношениях, казалось бы, далекими друг от друга.

Конечно, на каком-то духовном уровне наше «восприятие реальности» получало закрытую, эзотерическую трактовку. Но вне этого уровня воздействие шло довольно широким потоком. В этом смысле мы не были интеллектуальной сектой.

Случалось, я читал мои вещи и рабочим, как принято говорить, простым людям. Это чаще всего бывало за бутылкой водки, где-нибудь в заброшенном районе, около пивного ларька. И их ошеломляло наше путешествие в неведомое. Некоторые из них сами были такими путешественниками — в свое неведомое.

Более того, читая сейчас некоторых авторов 80-х годов, я порой встречаю у них отдельные черты «иного» восприятия реальности. Это означает, на мой взгляд, что речь идет уже о глубинном «психологическом» процессе, который, конечно, совершенно самостоятелен и развивается сам по себе.

В конце концов, это «иное» восприятие может означать просто расширение рамок реальности, расширение нашего круга внутреннего и духовного космоса, выявление щелей в доселе сокрытое. Думаю, что желание раздвинуть «стены» реальности — одно из самых фундаментальных неистребимых свойств человека.

Другие литературные неконформистские группы — в той или иной степени — тоже были вовлечены в эту «борьбу» за иную трактовку «действительности» — конечно, с самых разнообразных позиций. Но многие сочетали такой

подход с ярко выраженной социальной заявкой. Очень интересным было, например, знаменитое общество смогистов («СМОГ» расшифровывается как «Самое Молодое Общество Гениев»).

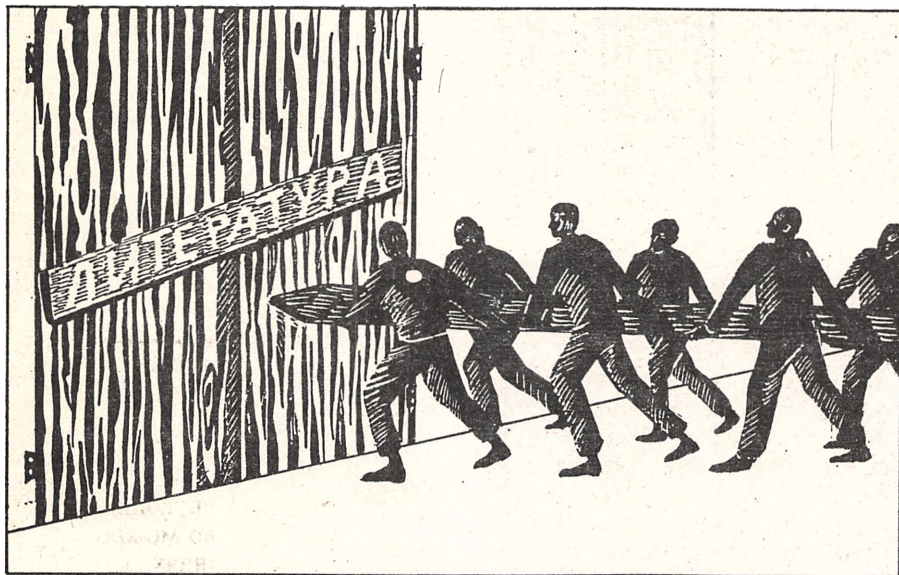
Жизнь на рельсах

Это была организация творческой бунтующей молодежи. Причины их бунта были, на мой взгляд, довольно очевидны: эта молодежь видела позади себя, в недавнем прошлом России огромное духовное богатство — от Булгакова и Платонова до Цветаевой и Пастернака, — и все это богатство куда-то пряталось, а главное — писать можно было только в узких рамках так называемого соцреализма, к которому все эти великие имена недавнего прошлого не имели никакого отношения.

Понятно, что литературное творчество, пусть внеполитическое, требует какой-то, хотя бы относительной, свободы — иначе оно просто невозможно. В глазах молодежи бюрократы и догматики от искусства становились душителями русской культуры. Пусть они называют свое направление как угодно, пусть это будет соцреализм или реализм победившего социализма — дело не в названии, важно, чтобы в нем могло быть представлено все сложное богатство литературного творчества, все его оттенки и течения, все возможности самовыражения — так считали смогисты.

Особенно возмущала их фантастическая небывалая тупость бюрократов и догматиков в отношении так называемого модернизма и новаторства, которым приписывались немыслимые «грехи», в том числе «мировоззренческие». Ведь было очевидно, что модернизм — это всего лишь современный метод самовыражения, которым можно «выразить» любое мировоззрение, в том числе и официальное. Кроме того, вся великая русская живопись и поэзия первой половины двадцатого века практически создана одними авангардистами (от Хлебникова, Маяковского, Малевича и Кандинского до Заболоцкого, Цветаевой, Филонова и Любови Поповой). Причем характерно, что среди этих имен были представители всех художественно-мировоз-

зренческих оттенков, основанных, как, например, на глубинном фольклоре (ранний Есенин, Хлебников), так и на самой неистовой революционности (Маяковский и футуристы). В то же самое время различные «пессимистические» тенденции, столь не любимые оптимистами-бюрократами нашего «жизнерадостного» века, присутствовали и в реалистическом и в модернистском искусстве, причем в реалистической литературе их было не меньше, если не больше.

Но тупость бюрократов и догматиков была непробиваема, по сравнению с этими чиновниками герои Салтыкова-Щедрина казались просто моллюсками. Запрещающая так называемый модернизм, новаторство, запрещающая публиковать произведения на самые естественные для мировой и классической русской литературы темы, бюрократия, по мнению многих, не только душила русскую культуру и ее великие художественные традиции, но и закрывала дорогу в литературу талантливой и честной молодежи. «Как душили крестьян во время коллективизации, оставляя им только одну возможность — смерть, так же душат и русскую культуру» — таково было широко распространенное мнение.

Так или иначе, смогистской молодежи не удалось добиться разрешения на издание хотя бы небольшого тиражом экспериментального литературного журнала. А ведь такой журнал мог бы при-

влекать и спасти много талантливых людей. Ответ был неизменен — отказ.

Но вечера, чтения, собрания, манифестации смогистов продолжались довольно долго — то была середина 60-х годов, — пока общество это под давлением неблагоприятных обстоятельств не распалось.

Наиболее интересными были чтения стихов главы СМОГа Леонида Губанова — читал, конечно, сам автор. Его чтения сами по себе производили достаточно «не-

конформистское» впечатление, по крайней мере, на публику того времени. Читал он исключительно хорошо, но, пожалуй, слишком надрывно, истерично, с «безуминкой». Правда, и сам текст как нельзя лучше подходил для такого чтения: разорванные, неожиданные образы его поэзии еще глубже проникали в сознание.

Я живу на рельсах четвертый день
Поезда не спрашивают моего имени.
И мне с ними тоже разговаривать лень...
Вылинял.

Я найду стакан, разбитый вдребезги,
Выпью водки, той, что в четвертой секции.
Люди — лепестки, а я люблю верески,
а я люблю вырезки о собственном сердце.

Мне бы любоваться на свою тень
и носить цветы к своему памятнику.
А я живу на рельсах четвертый день...
Правильно?

Сама жизнь этого талантливого поэта тоже была полностью неконформистской: он жил на рельсах (выражаясь метафорически) не четыре дня, а всю свою короткую

жизнь. (Леонид Губанов умер в Москве в 36 лет.) Никаких компромиссов нигде и ни в чем (он даже не хотел, чтобы его стихи печатались на Западе) — возможно ли это? Возможен ли вообще абсолютный неконформизм в любом обществе? Тем не менее, некоторые русские поэты, писатели, живописцы, которых я знал, ухитрялись так прожить жизнь: на счастье или несчастье — это уже другое дело. Но, в конце концов, наши конечные судьбы вне нашего земного виденья...

История мирового неконформизма знает одну тему, которая неприятна почти для всех обществ XX века. Эта тема — смерть, хотя, казалось бы, что может быть неотвратимей и реальной смерти. Из соцреализма (по крайней мере, 60-х годов), похваливавшегося своим «реализмом», эта тема вообще исчезла. Нету смерти — и всё. (Позже, в 70-е годы, этот запрет был, видимо, отчасти снят.) Соцреалисты того времени, очевидно, верили в магию слова: если о смерти не говорить и не писать, то ее и не будет.

На этой коллизии и был основан один популярный самиздатовский рассказ (анонимного автора) тех лет. Рассказ предельно — в гротескной форме — обнажает один аспект конформистского сознания: его нежелание считаться с неприятными фактами. В одном провинциальном городке местная бюрократия додумалась до декрета об отмене смерти. Жителям было приказано не считать смерть какого-либо лица фактом. В связи с этим было опубликовано распоряжение, чтобы к умершим относились как к живым. Их не только нельзя было хоронить, но их надо было оставлять на тех местах, где они умерли, кормить, разговаривать с ними, пить с ними водку и вообще обходиться как с живыми. И началось исполнение этого приказа. Скоро смрад заполнил некоторые квартиры, трупы не убирались ни с улиц, ни из общественных мест, где несчастных внезапно настигла смерть. С ними выпивали на троих. Жизнь приобрела радостные сюрреалистические тона.

Заканчивается рассказ тем, что мертвые, наконец, начинают господствовать над живыми, их при-

существо трансформирует живых.

Этот сюрреалистический гротеск, на мой взгляд, очень убедителен психологически: он показывает, насколько далеко от норм и «приличий» официальной литературы того времени оторвалось русское неконформистское сознание.

Феномен неконформистского сознания, возникший в среде молодежи 60-х годов, интересен и по своим последствиям: без знания его непонятно многое, что проис-

ходит в 80-е годы в самой советской литературе (как официальной, так и неофициальной). Правда, за это время вся русская литература прошла довольно необычный путь. Само неконформистское сознание, мне кажется, имеет ценность только тогда, когда сконцентрировано на подлинных глубинах, представляющих художественную или духовную ценность, но которые по тем или иным причинам не могут сразу войти в официальную культуру

данного общества. Однако то, что считалось неконформистским когда-то, может стать потом общепринятым, даже модным в официальной культуре и дать возможность для конформистского паразитирования в сфере культуры.

В то же время неконформизм ради неконформизма, по моему мнению, бесплоден, ибо протест желателен только тогда, когда ведет к положительным результатам.

Русские писатели, поэты и художники-неконформисты 60-х годов уже самим своим существованием доказали, что любовь к искусству и литературе — неотъемлемая часть жизни. Они стремились, оставаясь в сфере искусства, достигнуть хотя бы относительной свободы самовыражения, без чего невозможно создание великой культуры. Ради искусства они не считались ни с какими трудностями и бедами. Они были готовы на жертвы, вернее, считали их естественными и допустимыми ради их высшей жизненной цели — творчества.

Даже те из них, кто полагал, что догматизм по отношению к искусству в их время непреодолим, верили, что «рукописи не горят», что искусство можно создавать в любых условиях, в том числе и в условиях изоляции от официальной жизни общества. И да воздастся им всем по их вере! □

ПОЧТИ ЧТО ЮМОР

Зима еще впереди

«Образно говоря, социализм вступил сейчас в пору своей зрелой весны».

(«Сов. Россия»,
1.5.1985)

Безграмотные крестьяне

«Даже такое широко распространенное сейчас выражение, как «классовый враг», встречало поначалу недоумение со стороны некоторых крестьян (Эфиопии)... Крестьяне не сразу могли понять, что имеют в виду студенты, рассказывая о «классовых врагах»».

(«Африканский
этнографический сборник»,
№ 12, Л., «Наука», 1980,
стр. 18)

КПСС как отечество

«Иногда различают понятия «родина» и «отечество». В социалистическом обществе они фактически сливаются, приобретают одинаковое содержание. Трудящиеся массы имеют здесь Родину и Отечество. Им дороги не только природа, родной язык, что ассоциируется с понятием «родина», но и прежде всего близки и понятны деятельность Коммунистической партии, социалистического государства...».

(А.С.Капто. Классовое
воспитание: методология,
теория, практика.
М., Политиздат, 1985,
стр. 341)

Материалы о цензуре в Смоленском архиве

Валерий Головской

**Валерий Головской —
журналист и критик.
Работал в журналах
«Искусство»,
«Искусство кино»
и «Советский экран».
Живет в США
с 1981 года,
преподает
в Квинс-колледже
(Нью-Йорк).**

В книге Юлиана Семенова «Лицом к лицу» (Москва, Политиздат, 1983) встречается — кажется, впервые в советской литературе — упоминание о Смоленском архиве. Один из помощников героя-автора, занятого поисками пропавших ценностей русской культуры, некий Штайн сообщает: «Затем мне удалось установить местонахождение Смоленского областного архива, за что мне были вручены золотые часы от Института марксизма-ленинизма, чем я высоко горд».

Институт марксизма-ленинизма совершенно напрасно потратился на часы герру Штайну: местонахождение Смоленского архива установить нетрудно, ибо его никто и не скрывал. Первая публикация по материалам архива появилась в Америке еще в 1956 году, однако полностью архив до сих пор еще не изучен¹.

Особую ценность представляют документы по цензуре, о которых и пойдет речь в данной статье. Оригинальные служебные материалы советской цензуры были доступны независимым исследователям лишь в очень небольшом количестве. Несколько приказов Главлита или разрешительных удостоверений, вывезенных в последние годы, не дают подлинного представления о повседневной работе аппарата цензуры. Можно

утверждать, что о советской цензуре на Западе знают гораздо меньше, чем о деятельности КГБ или ГРУ².

Хотя документы Смоленского архива относятся к довоенному периоду и с тех пор многое в работе цензуры изменилось — от структуры до кадров, — эти материалы имеют не только историческую ценность. Например, методы работы — перечень, инструкции, приказы — все это осталось в силе и используется нынешним Главлитом.

Материалы, касающиеся цензуры, можно разбить на три группы: 1) документы периода 1929 года (гражданская война), 2) ряд документов 30-х годов, 3) «Бюллетень Главлита» №8 за 1934 год на 28 страницах³.

² Укажу лишь несколько публикаций о цензуре на русском языке, носящих более конкретный, документированный характер: Сб. «Литературные дела КГБ». Под ред. В.Чалидзе. Изд. «Хроника», Нью-Йорк, 1976; Леонид Авзгер. Я вскрывал ваши письма. — «Время и мы», № 55-56; Солженицын А. Бодался теленок с дубом. ИМКА-Пресс, Париж, 1975; Медведев Ж. Тайна переписки охраняется законом. Лондон, 1972; Владимиров Леонид. Россия без прикрас и умолчаний. Посев, 1969; Головской Валерий. Цензура в советском кино. — «СССР: внутренние противоречия», № 12, 1984; Головской Валерий. Существует ли цензура в Советском Союзе. — «Континент», № 42, 1985.

³ Смоленский архив. Т 87 R 28 WKP 230; Т 87 R 29 WKP 237; Т 87 R 54 WKP 512; Т 84 R 28 Reel 59.

¹ Merle Fainsod. Censorship in the USSR. A Documentary Record. — "Problems of Communism". Vol. V, No. 2, 1956.

В декабре 1920 года Смоленский губернский комитет РКП(б) получил две «сопроводилки» к списку, составленному военной цензурой.

Первое письмо напечатано на бланке РКП(б), в левом верхнем углу написана от руки дата получения — 2/XII-20, а также «секретно» и подпись Т.(товарищ) Рябоконь.

**Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!**

**Российская Коммунистическая
Партия (большевики)
Центральный Комитет
№ 63**

Москва...25 ноября...1920
В Смоленский губком

.....
Секретно

Частная корреспонденция красноармейцев и их родственников дает широкую картину жизни красноармейских частей, состояние дезертирства и настроения населения Вашей губернии.

Считая, что этот материал послужит стимулом к оценке наиболее слабых мест Вашей работы в губернии, в целесообразном использовании сил для широкого проведения в недалеком будущем «Недели тылового красноармейца», по поводу которой будет специальный циркуляр ЦК, Организационно-Инструкторский Отдел ЦК препровождает Вам выписки из писем для сведения.

Заведующий Организационно-
Инструкторским Отделом
Печать

Подпись
Секретарь   подпись

Вторая сопроводилка, судя по дате (17 декабря 1920 г.), относится непосредственно к имеющейся в архиве «"Политической сводке" сведений, почерпнутых из корреспонденции, просмотренной отделением военной цензуры при особом отделе Запфронта. За время с 11 по 26 ноября 1920 года».

В сводке на двух машинописных страницах приводятся краткие выдержки из писем, отправленных солдатам действующей армии их родными. Тексты довольно однотипны:

«Порядок у нас плохой, если не сдашь, скот отбирают, несмотря на то, что у нас самая голодная волость... Забрали у нас скот и говорят, что надо кормить Красную Армию, а ты пишешь, что дают тухлую воблу. Говорят, что власть рабочего и крестьянина, жмут на каждом шагу, даже слова нельзя сказать».

«У нас идет реквизиция за реквизицией, так что жить становится невозможно».

«В нашей местности деревенцы повсеместно восстают против продармейцев и не дают продовольствия. Вспышки появляются очень часто».

«Живется плохо, потому что все забирают в Совет, забирают последнее. Очень обидно, что вы служите, а у нас забирают последнее».

«У нас в деревне большие болезни. Очень много умирает».

«В бараках творится что-то ужасное. Хоронят по 10 человек в день, мрут как мухи, говорят, что в бараках зараза ужасная».

«У нас большая эпидемия возвратного тифа, больные находятся в ужасном положении».

«Реквизиция сильная, грабежом и оружием».

Как можно понять из документов, в те годы военно-цензурное управление входило в состав Особого отдела фронта, находящегося в тесном сотрудничестве с Организационно-инструкторским отделом ЦК РКП(б), с орготделом Политуправления фронта и с ВЧК.

Следующую группу документов составляют различные приказы Главлита и Западного Обллита 1931-1935 гг.

Главлит в то время находился на Чистых прудах, в доме №6 и, как и в 20-е годы, организационно входил в структуру Наркомата Просвещения (НКП РСФСР). Но связь эта была в значительной мере формальной: если областные отделы еще числились по документам в составе отделов народного образования («областной отдел по делам литературы и издательств при отделе народного образования»), то на приказах Главлита стоит только Главлит РСФСР.

Главное управление по делам литературы и издательств состояло из начальника, двух заместителей, различных групп и секций (инспекций). Сотрудниками Главлита являлись инспекторы и политредакторы (цензоры). Главлиту подчинялись областные (краевые) отделы, районные и городские, иногда объединенные — райгорлиты. Начальники райгорлитов назывались уполномоченными обллита. В составе обллитов работали политредакторы.

В начале 30-х годов, как можно заключить из документов, аппарат цензуры еще не был укомплектован подходящими кадрами, партийный контроль еще не стал полным. Случалось, что газеты выходили без штампа цензуры, иногда местный цензор давал редактору разрешение на несколько номеров вперед, редакторы районных газет нередко просто не подпускали цензора к чтению номера. Обязательные экземпляры не доставлялись в областной отдел и в Москву.

В начале 30-х годов (видимо, в 1931, но точную дату установить не удалось) в структуре Главлита произошли важные изменения: в него был включен Отдел военной цензуры (ОВЦ). Отдел располагался в комнатах 406 и 410 того же здания на Чистых прудах, 6. Если Главлит формально подчинялся НКП РСФСР, то ОВЦ входил в структуру Совнаркома, то есть был как бы выше Главлита. Однако для соблюдения секретности ОВЦ включили в состав Главлита. В архиве есть несколько приказов, категорически запрещающих писать письма и посылать служебные документы непосредственно в ОВЦ.

Руководил Главлитом в те годы Борис Волин⁴. Его должность в документах называлась так: начальник Главлита и уполномоченный СНК по охране военных тайн в печати, причем в некоторых документах должность уполномоченного ставилась впереди должности начальника Главлита.

⁴ Волин Б.М. (Фрадкин) — старый большевик, партийный работник. Руководил Главлитом с 1931 по 1936 год. Затем некоторое время работал в аппарате ЦК партии. См. о нем: Лидия Шатуновская. Жизнь в Кремле. 1982, стр. 108-109.

Заместителем Волина по линии военной цензуры был К.Батманов, фактически руководивший работой ОВЦ СНК. Ряд документов подписан только Батмановым. Роль военной цензуры была явно на практике главенствующей, что особенно четко видно из приводимого в третьем разделе текста «Бюллетеня Главлита».

Основным документом в работе каждого цензора — и в 30-е годы, и сегодня — является «Перечень» — свод приказов и списков запрещенных к публикации данных. Этого документа в архиве, к сожалению, нет, но в ряде приказов и материалов приводятся дополнения и уточнения, дающие представление о данных, включенных в «Перечень». Запрещалось, например, упоминать строящиеся железные дороги, цифры вербовки рабочих на закрытых предприятиях, данные о хлебозаготовках, сведения о количестве дел, рассматриваемых судами, и анализ преступлений... В этом отношении деятельность цензуры за последние 50 лет мало изменилась.

Приведем один из таких приказов, подписанных только Батмановым, хотя он и не относится к военной тематике.

Циркуляр №12

копия с копии
секретно

экз. №27

ВСЕМ НАЧ. ОВЦ,
ПОЛИТРЕДАКТОРАМ,
ВОЕННЫМ ЦЕНЗОРАМ
И МОСГОРБОЛЛИТУ

В перечне сведений, составляющих государственную тайну (изд. 1931 г.) в разделе IV лит «Б» «финансовая политика» вносятся следующие дополнения:

К ст. 42 — «сведения о реализации соворганами или их уполномоченными за границей ценных бумаг, полисов и т.д.»

К ст. 46 — «сведения о покрытии червонной валютой убытков по экспорту».

К ст. 47 — «а) сведений о займах (товарных, денежных), оказываемых Монголии и Туве, б) тоже — другим восточным государствам (Персии, Турции), в) сведения о

продаже облигаций наших внутренних займов за границу».

Зам. уполномоченного
СНК СССР по охране
военных тайн в печати
К.Батманов

11 апреля 1934

отпечатано в 69 экз.

верно: секретарь ОВЦ
(подпись)
копия верна.
Секретарь Запобллиты
(Хон)

В 1931-35 гг. Главлит и ОВЦ издавали многочисленные приказы по общим и частным вопросам: о запрете писать о медицинском препарате «гравидан», о 30-летней годовщине русско-японской войны; запрещалось связывать ОСОАВИАХИМ с РККА⁵, упоминать номера военных частей (чем особенно грешили районные газеты), искажать портреты вождей в печати, допускать ошибки, искажающие смысл («урядник» вместо «ударник» и т.п.). Специальный приказ посвящен борьбе за чистоту русского языка и борьбе с опечатками.

ПРИКАЗ №138

копия

По Главному управлению
по делам литературы
и искусства
28.XI—1931

О борьбе за чистоту русского языка

ПРИКАЗЫВАЮ всем цензорам особо внимательно следить за тем, чтобы в книгах, журналах, газетах и проч.:

⁵ Расшифровка встречающихся в тексте аббревиатур:

Осоавиахим — Общество содействия авиационным и химическим делам; РККА — Рабоче-крестьянская красная армия; ИМЭЛ — Институт Маркса-Энгельса-Ленина; ИКП — Институт красной профессуры; НКВМ — Народный комиссариат военноморских сил; ОКДВА — Особая Краснознаменная Дальневосточная армия; РИК — районный исполнительный комитет; РАЙЗО, РАЙФО — районные отделы здравоохранения, финансов.

1. Не допускать излишних сокращений слов, непонятных и малопонятных широкой читательской массе.

2. Не допускать непонятных и малопонятных иностранных слов, могущих быть без труда заменены русскими или на том языке, на каком языке произведение написано.

3. Решительно бороться против грубых выражений, ругательственных и блатных слов и проч.

Начальник Главлита
Б.Волин

верно: секретарь Запобллиты
Хон

Три года спустя по Запобллиту был издан приказ об опечатках, грубо искажающих политический смысл, являющихся, по определению приказа, «политическим хулиганством». В частности, в приказе говорилось, что в передовой статье газеты «Колхозная Правда» была «издевательски искажена» фамилия секретаря ЦК ВКП(б) Кагановича. Начальник райлита был снят с должности, в дальнейшем виновным в подобных ошибках приказ грозит строгой ответственностью.

Начальник Запобллиты С.Власов разрешает в специальном приказе областной печати перепечатывать сообщения, уже прошедшие в центральной прессе («Правда», «Известия»), если на этот счет нет специальных распоряжений. В приказе от 15 сентября 1934 года говорится о порядке отправки исходящей корреспонденции цензуры через курьерскую связь НКВД.

Еще один приказ, имеющийся в нашем распоряжении, показывает, что и местные партийные власти не оставались в стороне от цензорской деятельности:

срочно-секретно

ВКП(б) Запобком ВКП(б)
г. Смоленск
июля 1935
№ 162

Всем секретарям РК ВКП(б)
и для сведения
всем редакторам
районных газет

Категорически запрещается опубликовывать данные о запороктованном урожае льна (неза-

висимо от источников этих данных, в том числе данных комиссий по урожайности), а также данные о валовом сборе, товарном выходе и планах заготовок льна.

Зав. Культпропом
(Лукин)
зав. сектором печати
Культпропа
(Либерман)

Большой интерес представляют имеющиеся в архиве бланки «Подписки» о неразглашении тайн и о порядке работы сотрудников цензуры. Существенно, что работники цензуры, от уполномоченного по радиовещанию и заврадиозулом до уполномоченного Западного Обллита, давали подписку не Главлиту, а Отделу Военной Цензуры. Перечисление «директив и указаний» Советского Правительства в подписке уполномоченного Западного Обллита дает наглядное представление о задачах советской цензуры.

ПОДПИСКА

Уполномоченного Западного
Обллита по .....

Я, нижеподписавшийся, выдал настоящую подписку Отделу Военной цензуры печати Западной Области в том, что мне известны основные задачи и роль Советской цензуры в деле осуществления политико-идеологического и специального военного и экономического контроля за предназначенными к опубликованию или распространению произведениями печати, рукописями, снимками, картинками и т.д., а также за радиовещаниями, лекциями и выставками.

Мне известны указания и директивы Советского правительства о порядке печатания и выпуска в свет произведений печати:

1) Ни одно издание, предназначенное для распространения (независимо от его объема и периодичности, независимо от характера издательства: партийное, советское, профессиональное, кооперативное и т.д.) не может быть отпечатано и выпущено в свет без предварительного просмотра представителем советской цензуры, без проставления на издании всех сведений, требуемых поста-

новлением СНК РСФСР от 10/VIII—1931 г. №851.

2) Каждое издание должно быть тщательно просмотрено представителем советской цензуры — Уполномоченным Обллита предварительно в первых оттисках типографии (корректурных) и вторично в готовом виде перед выпуском в свет.

При предварительном просмотре изданий (в первых оттисках) Уполномоченный Обллита вносит необходимые замечания, исправления, вычерки в тексте (делая это с максимальной четкостью и ясностью), при вторичном же просмотре Уполномоченный Обллита сверяет выполнение своих замечаний с отметками первого просмотра, вручая типографии новый экземпляр с разрешением выпуска в свет. У типографии совершенно не должно оставаться каких бы то ни было материалов с замечаниями-правками-вычерками цензуры.

3) Все материалы с замечаниями-правками-вычерками Уполномоченного Обллита немедленно должны направляться в Отдел Военной Цензуры, с мотивировкой Уполномоченного.

4) Систематически и регулярно проверять выполнение типографией требований органов цензуры, в частности, прохождение заказов, отсылка обязательных контрольных экземпляров Главному Отделу Военной Цензуры СССР, Обллиту, Государственной Центральной Книжной Палате, Спец. Коллектору ОГИЗа, местному ОГПУ и прочее.

5) Мне известно, что местный радио-узел без предварительного моего просмотра не имеет права производить никаких передач, за исключением обусловленных в п.2 Инструкции Обллита и Областного Комитета по радиовещанию.

6) Мне известно, что без предварительного моего просмотра-разрешения тезисов-конспектов не может быть устроено никаких массовых публичных докладов, лекций, за исключением докладов и лекций, организуемых местным Культпромом Парткомов, или местными Исполкомами.

7) О всех случаях нарушений требований советской цензуры ру-

ководителем типографии, издательств, радиоузлов и др. организаций и учреждений я обязан немедленно информировать Отдел

Военной Цензуры и принимать на месте меры административного и судебного воздействия к нарушителям.

8) Обязуюсь подробно ознакомиться с правилами осуществления советской цензуры за изданиями и радиовещанием моего заместителя, о всех случаях длительного отсутствия я обязан особо сообщить Отделу Военной Цензуры, указывая персонально лицо, заменяющее меня.

Я предупрежден о том, что за халатное выполнение требований советской цензуры, за допущенные пропуски в изданиях запрещенных сведений или политических извращений я несу административную и судебную ответственность.

Уполномоченный
Западного Обллита .....
(подпись)

Особый раздел документов составляют распоряжения о конфискации литературы из библиотек и торговой сети такого типа⁶:

ЗАПОБЛЛИТ

не подлежит разглашению
5.XII—1934
1-4-НС

ВСЕМ УПОЛНОМОЧЕННЫМ ЗАПОБЛЛИТА

Немедленно изъять из магазинов, киосков и др. книготорговых организаций, а также из всех библиотек книгу А.Кирьянова и Г.Дружинина «От чего зависит урожай».

Нач. Запобллиты
(Власов)

В следующем году в связи с многочисленными перегибами было издано несколько приказов Главлита. Вот один из них:

⁶ О чистке 20-х годов см. публикацию «Крупская чистит библиотеки». — «Новый журнал» № 99 за 1970 г., стр. 236-246.

Сов. секретно

ВСЕМ НАЧ. КРАЙ-ОБЛЛИТОВ,
ГЛАВЛИТОВ А.С.СР

ПРИКАЗ 1323 от 21/VI-35 г.

по Главному Управлению
по Дела Литературы
и Издательств
от 19/VI-35 г.

При изъятии троцкистско-зиновьевской литературы из библиотек фактически проводилась никем не контролируемая и никем не руководимая чистка библиотек, расхищение и порча библиотечных фондов.

Приказываю:

1.

Немедленно прекратить общую чистку библиотек и сплошные изъятия книг из них.

2.

Изъять из библиотек и складов контрреволюционную троцкистско-зиновьевскую литературу строго в соответствии с прилагаемым списком (см. приложение).

3.

Изъятие указанной в прилагаемом списке литературы производится:

а) в краевых и областных центрах непосредственно начальником Край-Обллитов и Главлита АССР или его заместителем совместно с представителем НКВД,

б) в библиотеках районов — уполномоченными Край-Обллитов (начальниками райлитов совместно с районными управлениями НКВД).

4.

Оставить по 2 экз. изымаемых изданий в особых библиотеках следующих учреждений ЦК и МК ВКП(б), Академии наук, ИМЭЛ, а также библиотек им. Ленина (Москва), Салтыкова-Щедрина (Ленинград), библиотек ИКП, коммунистических университетов в Москве и Ленинграде, центральных библиотек главных городов союзных республик, краев, областей и университетских городов и правительственной библиотеки при ЦИК СССР.

5.

На изъятые по прилагаемому списку книги составляется акт, книги печатаются и отсылаются с актом об изъятии в краевые и областные управления НКВД.

6.

Все книги, изъятые ранее из библиотек по приказу 40, отмеченном впоследствии, и не совпадающие с прилагаемым при сем списком, должны быть по акту возвращены в библиотечные фонды по принадлежности.

7.

О ходе выполнения настоящего приказа информировать меня 1-го июля и 1-го августа.

Уполномоченный СНК СССР
по охране военных тайн
в печати
и Нач. Главлита РСФСР
Б. Волин

ВЕРНО:

(Загорская)

Прилагаемый список содержит все книги Троцкого, Зиновьева (12 названий), Каменева, Шляпникова, Яворского, Преображенского, Луначарского («Революционные силуэты») и многих других.

Большой интерес представляет анализ Бюллетеня Главлита РСФСР и ОВЦ для районов на 28 страницах, № 8 за 1934 год, экз. 223, издание секретно. Это своего рода учебное пособие для периферийных цензоров, трибуна обмена опытом.

Сборник открывается большой статьей Волина «Предварительная цензура — основная задача райлитов». «Цензура наша имеет значение только тогда, когда она предупреждает прорыв политический и разглашение военной и экономической тайны, когда она препятствует напечатанию халтурной, низкокачественной, бесполезной литературы, когда цензура

способствует улучшению как политического смысла и словесного характера, так и внешнего оформления произведения», — пишет начальник Главлита и перечисляет факторы, мешающие работе: недостаточное знание «Перечня», отсутствие у цензоров подлинной большевистской напористости, неряшливое редактирование, разрешение цензорами материалов дозволенного содержания, но безграмотных, серых, халтурных. Затем следует большая статья заместителя уполномоченного СНК СССР по охране военных тайн в печати Батманова «Охрана военных тайн в печати — важнейшая задача». Статья эта настолько выразительный документ времени, что имеет смысл привести из нее обширные цитаты.

«Необычайная доходчивость до ушей и глаз капиталистических разведчиков разглашения военных тайн в печати требует исключительного внимания, с которым работники цензуры должны подходить к предварительной цензуре печати, чтобы уже в порядке предварительного просмотра изъять всё, составляющее военную тайну».

Отмечая, что в центральной печати в отношении военных тайн дело обстоит лучше — она «находится под достаточно сильным контролем», — Батманов пишет: «Областная, краевая и особенно районная печать очень часто разбалтыванием военных тайн дает ценные сведения о нашей оборонной способности. Райлитам необходимо улучшить военно-цензурскую работу, дабы наша районная печать не могла стать рупором разглашения военных тайн, неволь-

СЕКРЕТНО.

ВСЕМ УПОЛНОМОЧЕННЫМ
ЗАПОБЛИТОВАТЬ.

ЗАПОБЛИТ
7-704.с.
31.XII-34г.

Сообщая для строгого руководства, что обзвоня /речи, постановления и другие официальные документы/, опубликованные в центральной прессе «Правда», «Известия», определяют возможность опубликования этих сведений в печати Республики, краев, областей, если от директивных органов этих республик, краев, областей и областей указания, запрещающих опубликование в местной печати указанных выше материалов, не было.

Отп. 74 экз.
18-е в. адреса
7-4-1 в. дело.

НАЧАЛЬНИК ЗАПОБЛИТОВА

В. Батманов

ным пособием наших врагов. /.../.

Естественно, что капиталисты стремятся вскрыть наши силы, наши оперативные мероприятия по укреплению мощи нашей страны и в соответствии с нашими мероприятиями подготовиться к нанесению нам неожиданного удара. Капиталистическое окружение говорит за то, что нападение на СССР может быть организовано на любой его границе, поэтому СССР должен быть готовым отразить нападение всюду, где бы ни было оно организовано, и это требует особой бдительности со стороны военной цензуры.

В дореволюционной России военная цензура осуществлялась лишь в прифронтовой полосе и, как в мирное, так и в военное время, охраняла лишь военные тайны, относящиеся к определенному оперативному плану, вытекавшему из интересов той или иной империалистической группировки, в которую входила царская Россия. Совершенно иное положение в Советской стране: цензура должна охранять военные тайны не только в приграничной полосе, но всюду, где имеются важные объекты — как военные, так и экономические и политические. Этого требуют не только капиталистическое окружение, но и изменившийся способ ведения будущей войны, и широкое применение разнообразной новейшей техники. В будущей войне границы между фронтом и тылом, даже глубоким, сотрутся.

Это обстоятельство предъявляет серьезные требования к соблюдению «Перечня сведений, составляющих военную тайну» в отношении не только дислокации частей, но и положения оборонных предприятий, заводов, мостов, аэродромов и т.д. /.../

Вся пресса, и особенно районная и многотиражная, не должна позволять капиталистам из сопоставления даже отрывочных сведений между собой делать умозаключения о наших оборонительных мероприятиях, проводимых не только в казарме, но, главным образом, на заводах, железных дорогах и аэродромах, реках и морях. Наконец, следует помнить, что наша техника находится в фокусе внимания империалистических государств... Цензура должна скрыть наши достижения не

только в отношении введения того или иного вида вооружения, но и важнейшие оперативно-тактические взгляды и установки в связи с введением новых средств борьбы...»⁷.

Далее Батманов обращается непосредственно к практике и выявляет недостатки в области охраны военных тайн. «В войсковых многотиражках и в печати ряда районов выявляются войсковые части и даже целые соединения, имеющие значение в деле обороны СССР. Очень часто эти газеты выходят даже без номеров райлитов.

В ряде белорусских, украинских и др. газет очень много ведется разговоров о состоянии важнейших в военном отношении дорог и о постройке новых дорог, несмотря на то, что перечнем сведений, составляющих военную тайну, воспрещено помещать подобные сведения.

Помещаются сведения о скрытых кадрах РККА, как пом. роты, запасные полки и т.д.

Очень часто пропускаются в газетах воспрещенные в печати сведения о работе Осоавиахима. Например, пропускаются приказы начальников гарнизонов о параде 1 мая. В этих приказах говорится о выходе частей как постоянно существующих. Всем работникам цензуры должно быть известно, что опубликовывать в печати части ОАХ нельзя... Крупнейшей ошибкой, граничащей с преступлением, является упоминание частей за номерами. Например, «Поволжская правда» от 28 апреля 1934 года поместила приказ начальника гарнизона Семкова. В приказе фигурируют части под номерами /.../.

Наибольшее число нарушений падает на опубликование в печати сведений о подготовке начсостава запаса организациями ОАХ. Как перечнем, так и циркуляром неоднократно разъяснялось, что эти

сведения помещать в печати ни в коем случае нельзя.

Имели место в печати прямые указания на участие частей ОАХ в ликвидации бандитизма в одном из приграничных районов, причем в заметке ясно сказано, что части ОАХ уже теперь стоят на границе бок о бок с частями РККА.

Особенному внимательному просмотру следует подвергать корреспонденции красноармейцев войсковых частей к крестьянам и рабочим. В этих корреспонденциях могут быть сведения о перебросках наших частей. В газете «Волжская коммуна» от 28 мая 1934 года помещено письмо бойцов ОКДВА колхозникам и колхозницам сельхозартели «Ответ интервентам» Самарского района. В письме говорится: «Привлеките к ремонту машин товарищей Аристова, Каренева и Уваровского». Эта фраза подчеркивает, что части или даже соединения, находившиеся в районе колхоза «Ответ интервентам», перебросены из ОКДВА /.../.

Чрезвычайно много нарушений имеется в отношении разглашения сведений о наших заводах оборонного значения с указанием их месторасположения, производительности и т.д.»

Далее Батманов пишет о некоторых перегибах в работе цензоров, когда запрещаются статьи, не содержащие секретных сведений (о недостатках в работе железнодорожного узла, о владении двумя коровами).

В заключение Батманов призывает цензоров повышать свое цензорское умение, больше читать военную литературу, проходить техминимум и т.д.

В сборнике помещено также несколько небольших статей-отчетов районных цензоров и начальников облкрайлитов. Многие из них свидетельствуют о том, что до 1933 года на уровне районов цензуры практически не существовало. Начальник Кунцевского райгорлита Московской области пишет: «До 1933 года никакой цензуры у нас в районе не было. Построили новую типографию, и она около двух месяцев работала бесконтрольно... Редакторы газет относились к цензуре как к ненужной формальности. Такого же мнения придерживалась и типография. За печатание продук-

⁷ Не имея никаких иных данных, западные разведывательные службы внимательно анализировали советскую прессу. Об этом пишет в своей книге сотрудник американского Отдела стратегических служб (ОСС) Томас Уитни. См. Thomas P. Whitney. Russia in my life. George G. Harrap. London. 1963, pp. 31-35.

ции без ведома райлита отдан под суд технорук типографии. Теперь наборщики не только не печатают без моего ведома, но и сигнализируют о сомнительных местах в набираемых материалах.

Начальник Горьковского горлита Бабкин перечисляет объекты цензуры: «1) Радио, 2) газеты, книги, 3) библиотеки, книжные магазины, 4) самодеятельность, клубная работа, 5) доклады, лекции». Бабкин также обращает внимание на необходимость усилить контроль за типографиями, чтобы они не выдавали продукцию без визы горлита на сигнальном экземпляре, то есть речь идет уже о последующем контроле. Из-за замеченных на этой стадии ошибок нередко приходилось перепечатывать целые номера газет. «После случаев воздействия через органы ГПУ, — пишет Бабкин, — случаи вольного неисpravления указаний цензуры уменьшились».

В статьях цензоров приводятся примеры изъятий: «К открытию XVII съезда партии был дан лозунг: «Да здравствует вождь пролетарской столицы — наш великий Сталин!», «Восемь лет плачу профсоюзные взносы, а пользы ни на грош. Профорганизация ничего не делает, а только получает денежки», «Вместо 72% травматизма мы имеем 100% на 100% застрахованных», заголовков в газете «Бывши ударницей на производстве, будешь ударницей и на том свете».

Уполномоченный Арзамасского района сообщает о характерных вычерках по «Перечню» в газете «Арзамасская правда»: «дислокация стрелкового полка, заводов... о распространении сыпного тифа, о чуме свиней... об отливах из сберкасс, о работе ОГПУ. Сделаны вычерки и внесены поправки не только в газетном материале, но и в специальных обязательных постановлениях РИКа, агитационных установках-стенках РК ВКП(б), РИКа, РАЙЗО, РАЙФО».

По сообщению уполномоченного Бежецкого горлита число вычерков в первом квартале 1934 года уменьшилось по сравнению с предыдущим кварталом: 27 и 59. На первом месте — «нарушения, связанные с дислокацией воинских частей, затем о работе Осоавиахима».

В статье уполномоченного Свердловского обллита по радиовещанию Трухановского рассматривается специфика работы по контролю за радиовещанием. «Слишком многообразна и обособлена область радио, — сокрушается цензор. — Всю мою работу можно разложить на следующие три части: 1) контроль за материалами, поступающими ежедневно и передающимися в обычном порядке через студии и дикторов, 2) контроль за радиоперекличками, 3) контроль за трансляциями из садов, театров, клубов и т.д.

Контроль над текущим репертуаром имеет свои особенности, свои трудности. Контроль идет в общем порядке, как и весь предварительный контроль. Трудность заключается в том, что надо не только просмотреть материал, но и учесть, что после него и до него идет. Иллюстрирую примером: допустим, идет доклад о соцсоревновании, о субботниках и сразу после этого начинается концертное отделение, первым номером которого стоит песня «Замучен тяжелой неволей» или что-то в этом роде...

И еще. Дается важная политическая передача, а текст иллюстрируется глупейшими частушками или резко несоответствующей музыкой.

Теперь о контроле за радиоперекличками. Это трудный участок. Переключка — это не просто разговор по радио, а это большое агитационное массовое мероприятие. В связи с проводимыми переключками очень легко допустить нарушение перечня.

Почему? Да потому, что «слово не воробей, вылетит не поймашь». А и инструктировать товарища, который сидит где-то в глухом углу, очень трудно. Да и здесь, находясь у микрофона, также трудно пресечь то или иное нарушение перечня. В переключке часто участвуют до ста человек и более. Выключить же микрофон в процессе хода передач переключки представляет большие трудности, да и не всегда успеешь.

У нас в Свердловске контроль производится следующим образом. Ответственных за передачу товарищей — партийцев мы знакомим с основными нашими требованиями и следим за вопросами

и ответами. На местах же на переключках мы обязаны присутствовать особым письмом начрайлитов.

Это, конечно, не гарантирует от разглашения гостайн, но дает известную гарантию в том, что нарушения почти сведены на нет...

И последнее, это контроль за трансляциями из клубов и театров, особенно за трансляциями докладов, совещаний, заседаний. Здесь часто бывает такое рассекречивание. У нас такое рассекречивание было не раз и о них ни разу не сообщалось в сводках в Главлит. Так, были рассекречены названия военных частей. Здесь мы предупреждаем каждый раз президиумы наших собраний и заседаний. Ведь трудно остановить оратора, говорящего из зала. Остается только выключить микрофон, что не всегда удобно. Какие же общие выводы?

Участок требует особой напряженности и широкого кругозора работников, контролирующих радио. До сих пор Главлит не уделял должного внимания. На местах нет никаких директивных указаний. Работники должны проявлять инициативу. Это неплохо, но здесь есть опасность разнобоя. Это особенно важно, так как даже Свердловское радио слышно в Германии, Польше, Чехословакии. О других странах говорить не приходится.

Судя по имеющимся в Смоленском архиве документам, структура Главлита в середине 30-х годов была примерно такова: Главлит РСФСР состоял из секторов, отделов и инспекций, в него входил также отдел военной цензуры, подчиненный Совнаркому СССР. Главлит руководил своими отделами в краях, областях, районах и городах РСФСР, а также отделами в автономных республиках. На уровне краев, областей и АССР имелись Отделы военной цензуры («оборонная секция крайлита»). Существовали самостоятельные цензорские комитеты в национальных республиках, но, по всей вероятности, Отдел военной цензуры, имевший союзное подчинение, распространял власть и на Главлиты республик. Таким образом начинала складываться централизованная структура цензорского аппарата, которая существовала до конца 50-х годов. □

О первой русской эмиграции

Марк Раев

Появление так называемой третьей волны русской эмиграции повысило интерес к ее предшественницам, особенно к первой волне. Этот интерес совпадает с усиленным изучением других эмиграций 20-30-х годов нашего столетия (венгерской, итальянской, австро-германской) и с любопытством, вызванным «открытием» — в самой России и за рубежом — русского авангарда в искусстве и литературе. Поэтому полезно напомнить некоторые факты, касающиеся характера и судьбы первой эмиграции. Хочу сразу оговориться, что в этой статье я могу дать лишь предварительный и беглый очерк, останавливаясь только на отдельных моментах, так как первая эмиграция в своей совокупности — явление сложное и еще ждет своего исследователя.

русской эмиграции», члены которой оказались за рубежом (и в большинстве своем там и скончались) после Октябрьской революции и в результате поражения белых армий в 1919-1921 гг. К ним присоединились те, кто был выслан советским правительством в 1922 году, и выехавшие или ставшие невозвращенцами в период 1922-1928 гг.

Начнем с некоторых цифровых и социологических данных. Как ни странно, мы не располагаем точными цифровыми данными о количестве русских эмигрантов. Это объясняется, во-первых, тем, что войны и резкие политические перемены (например, создание новых государств) не способствовали контролю и учету «беженцев» с территории бывшей Российской империи. Во-вторых, многие из тех, кто бежал во время гражданской войны, в конце концов, вернулись в Россию (или оказались на родине после объявления частичной амнистии по окончании гражданской и советско-польской войны). Осложняет учет и то, что многие выехали из РСФСР первоначально в лимитрофные страны, то есть в новообразованные прибалтийские государства, в Польшу или Румынию, под предлогом, что они могут считаться подданными этих государств. В конечном итоге, отдел по беженским делам Международного Бюро труда при Лиге наций насчитал около миллиона человек, покинувших пределы бывшей Российской империи, — цифра приблизительная и, скорее всего, заниженная.

Статистика и социология

Послереволюционная эмиграция не была первой в точном смысле этого слова: ей предшествовала политическая эмиграция (представителей разных направлений) при царском режиме, начиная хотя бы с Герцена и Бакунина и кончая Плехановым, Лениным и другими. Конечно, эти политические эмигранты не только не были так многочисленны, но и имели совсем другой культурный и социологический «профиль». Поэтому здесь речь пойдет о «большой

Марк Раев — профессор русской и общеевропейской истории Колумбийского университета. К числу наиболее важных работ профессора Раева относятся:
"Origins of Russian Intelligentsia", 1966 («Происхождение русской интеллигенции»),
"Michael Speransky, 1969 («Михаил Сперанский»),
"Imperial Russia 1682-1825, 1971 («Императорская Россия»),
"Comprendre l'ancien regime Russe", 1982 («Понимание старого режима России»).

Распределялись эти эмигранты следующим образом (в тысячах): Австрия — 2,465; Англия — 3*; Бельгия — 5*; Болгария — 26,5; Венгрия — 5,3; Германия — 150*; Греция — 2; Дания — 0,3; Испания — 0,5; Италия — 1,1; Китай (Маньчжурия) — 76; Латвия — 40; Литва — 10; Польша — 90; Королевство СХС** — 35,3; Турция — 3; Финляндия — 18; Франция — 400*; Швейцария — 2,2; Швеция — 1*; Чехословакия — 30. Как видим, в список не включены не только Эстония, но и Северная и Южная Америка.

Сложности подсчета числа русских эмигрантов связаны также с трудностью дефиниции этого понятия. Эмигрантом считался (и считал себя) всякий, кому — по политическим мотивам или вследствие социального происхождения — грозила опасность для жизни или свободы в пределах советского государства. Под это определение подпадают и те, кто по тем же причинам был не в состоянии нормально — то есть свободно — заниматься своей профессиональной (или культурной) деятельностью на родине.

Не менее — а может, и более — сложен вопрос о том, кого считать русским в контексте русской эмиграции. Из многонациональной империи бежали и эмигрировали не только «великороссы». Не углубляясь в сложный вопрос определения национальной (этнической) принадлежности, можно сказать, что, с точки зрения культурной жизни эмиграции, русским считался тот, кто приобщался к ней активно — творчески — либо в качестве читателя и зрителя произведений на русском языке или в русской форме. Религиозная и этническая принадлежность играли здесь второстепенную роль или вовсе не имели значения. Это не исключало случаев принадлежности к двум культурам — например, русской и украинской или русской и грузинской. В этом же

смысле не являлось определяющим культурным фактором и вероисповедание, хотя его роль в общественной и политической жизни эмиграции была достаточно важной.

Что касается «социологии» этой эмиграции, то тут следует иметь в виду два основных момента. Большинство эмигрантов в начале 20-х годов составили мужчины военного возраста, среди них многие еще не успели обзавестись семьей. Одни так и остались холостяками, другие, женившись на нерусских, часто (хотя далеко не всегда) вливались в культурную и общественную жизнь своей новой страны. Кроме того, детей было мало, естественный прирост незначителен, в этих условиях особенно заботились о том, чтобы воспитать новое поколение для будущей деятельности в России,

Эмиграция опознала и осознала себя как создательницу своей собственной культуры.

сохранить его «русскость». Больше всего боялись «денационализации», потери русского самосознания (ассимиляция в другой стране и в чужой культуре не казалась такой серьезной опасностью, так как европейские общества редко приобщали чужаков к своей среде).

Со вторым аспектом социологической структуры эмиграции — ее социальным составом — связано множество мифов и выдумок. Вопреки той картине, которую создают фильмы, бульварные романы и так называемые «воспоминания» бывших эмигрантов в советской печати, далеко не все эмигранты были «бывшими людьми», то есть принадлежавшими ко двору, служилому дворянству, к «помещикам и капиталистам». Напротив, представители бывшей социально-экономической и политической верхушки не просто составляли меньшинство, но и были далеко не самым влиятельным элементом в эмиграции (за исключением некоторых, преимущественно военных, организаций). На самом деле эмиграция по своему составу являлась представительным срезом дореволюционной России. Правда, в ней пропорцио-

нально очень высок процент людей с образованием (хотя часто и незаконченным) и представителей творческих профессий.

Кроме бывших помещиков, дворян, чиновников и специалистов, многочисленную группу составляли мещане, служащие, ремесленники, торговцы, рабочие и крестьяне. Столь пестрым составом и объясняется то, что большинство эмигрантов жили физическим трудом — работая на заводах и фабриках или в сельском хозяйстве, а их образовательный ценз (выше среднего) давал им возможность быть потребителями «продукции» эмигрантской творческой интеллигенции.

Таким образом, русская эмиграция — как и любое современное общество — имела свою творческую элиту и своего массового потребителя. Поэтому культурное творчество эмиграции могло быть направлено не столько к соотечественникам на родине, которая была почти наглухо закрыта для проникновения их работ, сколько к своим собратьям-изгнанникам за рубежом. В этом ее главное отличие от дореволюционной эмиграции, которая творила непосредственно в ответ на злободневные запросы аудитории на родине.

Русские эмигранты были рассеяны по всему миру — не было ни одной страны, ни одного крупного города, где бы не жили «граждане зарубежной России». Русские нашли постоянное прибежище, в основном, в Югославии (Королевство СХС), Чехословакии, Франции, Германии (особенно до прихода Гитлера к власти) — в Европе и в Маньчжурии (Харбин) на Дальнем Востоке — до нападения Японии на Китай. Но культурно-творческими центрами эмиграции можно считать четыре города, где концентрировалась ее научная, литературная и художественная деятельность и выходили самые влиятельные газеты и журналы Зарубежья. До 1926 года наиболее активным из этих центров был Берлин, академическим центром Зарубежья с 1923 года приблизительно до середины 30-х годов была Прага, огромную роль играл Париж — с середины 20-х годов до начала Второй мировой войны, на Дальнем Востоке таким центром был Харбин (с 1921 года до начала

* Приблизительно.

** Королевство сербов, хорватов и словенцев, созданное в 1918 году путем объединения ряда частей Австро-Венгрии с Сербией и Черногорией. С 1929 года получило название Югославии.

30-х годов). Добавим сюда также центры «провинциального» (регионального) значения, питавшиеся живыми соками четырех «столиц» — это Белград, София, Рига, Варшава.

Чтобы понять условия, в которых создавалась и воспринималась культура первой эмиграции, необходимо учесть юридическое и экономическое положение русских в Европе и на Дальнем Востоке. По сравнению с тогдашними правилами и условиями положение сегодняшних эмигрантов исклю-

затруднено для эмигрантов — не столько из-за дороговизны, сколько из-за необходимости иметь визы, о которых приходилось хлопотать долго и без гарантии успеха. Некоторые эмигранты, выехавшие легально во время НЭПа, или невозвращенцы долгое время сохраняли советский паспорт, но это отнюдь не облегчало их передвижение, скорее наоборот.

Разумеется, экономическое бесправие и необеспеченность были самым тяжелым обстоятельством эмигрантской жизни. Боль-

чительно благоприятно. В 20-е — 30-е годы не-граждане (а гражданство давалось в редких, исключительных случаях) не имели никакого социального обеспечения. Что еще более важно — эмигранты не получали автоматически права на работу, даже неквалифицированную: о нем нужно было хлопотать, и оно давалось только на определенный срок, после чего приходилось добиваться его возобновления. Право на профессиональную деятельность (для врачей, адвокатов, инженеров и пр.) было еще более ограничено или вовсе недоступно.

Большинство русских деятелей культуры (как и прочие граждане Зарубежья) имели Нансеновский паспорт, который удостоверял их личность и статус как лиц, не имеющих своего государства. В то время фактически все государства требовали въездные и транзитные визы, и передвижение из одной страны в другую было особенно

большинство было вынуждены тяжело трудиться, получая гроши. Достаточно вспомнить писателя Гайто Газданова: по ночам он работал шофером такси, а днем писал — и его участь далеко не худшая. Тяжелое финансовое положение Бунина, Цветаевой, Ремизова отражено в их опубликованной переписке. Даже когда эмигранты-специалисты получали возможность заниматься своим делом (как, например, в Югославии), их держали на подсобных работах и более низких окладах. В таких условиях эмиграция могла оказывать своим культурным начинаниям лишь самую скромную поддержку, да и та была настоящим подвигом. Можно только удивляться — и восхищаться — той жертвенности и энергии, с какими она поддерживала своих творческих собратьев. Этим и объясняется то, что, несмотря на труднейшие внешние условия, культурная жизнь эмиграции была такой плодотворной.

Культура эмиграции

Перейдем теперь к учреждениям эмиграции, которые занимались созданием и распространением культурных ценностей. На первом месте стояло слово — то есть печать. Повсюду, где только оседали русские эмигранты, появлялись органы периодической печати. Конечно, большинство газет и журналов выходило малым тиражом и жизнь их была недолгой — особенно в тех случаях, когда они обращались к определенным кругам (например, галлиполицы, бывшие военные части, профессиональные объединения) или политическим группировкам. Но некоторые газеты общего информационного характера, не имевшие ярко выраженной полемической окраски, просуществовали долго и имели читателей не только в городе или стране, где они выходили, но рассылались по всему русскому Зарубежью. Это, например, «Последние новости» в Париже (1920-1940), «Руль» в Берлине (1920-1931), «Сегодня» в Риге (1919-1940?), «Возрождение» в Париже (1925-1940). Эти газеты служили также связью между центрами Зарубежья, оповещая о культурных событиях, печатая видных писателей и давая полезную информацию по всем вопросам эмигрантской жизни.

Еще более важную роль в культурной жизни играли журналы. Эмиграция возродила традицию русского «толстого журнала» XIX века — периодического издания размером до нескольких сот страниц, в котором печатается беллетристика, очерки, философские и научно-популярные статьи, статьи на политические темы, имеется библиографический отдел. Наиболее известны в эмиграции были «Современные записки», «Воля России», «Русская мысль» и целый ряд недолго просуществовавших, преимущественно литературно-художественных журналов («Эпопея», «Перезвоны», «Версты», «Числа» и т.д.) Они лучше всего отражают эмигрантские настроения, культурные интересы, отношение к происходящему на родине и в Зарубежье. Разумеется, издавались также журналы четко определенного «профиля» — политического, мировоззренческого или

художественно-литературного. Назовем «Путь», «Православную мысль», «Новый град», «Социалистический вестник», «Евразийский временник» и здравствующий до сих пор «Вестник русского христианского [студенческого] движения».

Большая и лучшая часть этих журналов издавалась умеренно-либеральными лицами или группами (от правых эсеров до правых кадетов). Ни самые правые (монархисты и фашисты), ни крайние левые (троцкисты и левые социалисты) не имели сколько-нибудь значительных периодических изданий, хотя отдельные представители этих политических течений сотрудничали в популярных либеральных газетах и журналах.

Эмигранты оказались за границей без книг. Библиотек со значительными фондами русской литературы в Европе было немного и только в крупнейших центрах — Лондоне, Париже, Берлине. С дореволюционных времен сохранилось несколько русских читален (в Гейдельберге, Женеве), но и они были малодоступны для большинства — исключение составляла Тургеневская библиотека в Париже. Пришлось издавать русские книги за рубежом — прежде всего классиков и учебники, но и писателям-эмигрантам были нужны издательства. В силу экономических причин наиболее активными книгоиздательскими центрами русского Зарубежья стали сначала Берлин, а затем Прага и Париж. Сюда можно добавить еще Ригу, Белград, Софию и Харбин. Число названий и количество экземпляров книг, напечатанных на русском языке эмигрантскими издательствами, не поддается точному учету. Тиражи были скромными. Но, судя по имеющимся библиографическим справочникам*, было издано более 5000 названий оригинальных произведений более чем 500 авторов и свыше 500 периодических изданий — цифры весь-

ма внушительные для обездоленных беженцев.

В пределах журнальной статьи нет возможности остановиться на деятельности учебных заведений, библиотек и архивов, научных институтов, церковных приходов, клубов и кружков, она заслуживает отдельного исследования. Но хочется отметить одно мероприятие, которое сыграло большую роль в создании и сохранении чувства культурного единства и национально-культурного самосознания эмиграции. Это — празднование «Дня русской культуры», приуроченного ко дню рождения Пушкина 6 июня. Идея такого праздника была предложена Педагогическим Бюро в Праге в 1925 году, в знак духовного объединения всех русских эмигрантов. За короткое время этому призыву последовали все центры русского Зарубежья. День русской культуры стал одним из самых эффективных способов привлечения к участию в русской культурной жизни за рубежом подрастающего поколения. Наиболее внушительное и успешное празднование этого дня состоялось в 1937 году, когда вся эмиграция отметила столетнюю годовщину смерти Пушкина.

Пушкин стал для эмиграции символом традиции русской культуры и выразителем национального самосознания всех эмигрантов — независимо от их политических и религиозных взглядов. Он стал символом живой связи с прошлым и даже в какой-то степени с настоящим Советской России, в которой тоже, в определенном смысле, обратились к истории и культуре дореволюционного периода.

События на родине, развитие советской системы, зигзаги ее политики были, разумеется, в центре внимания эмиграции. Реакция на такие явления, как НЭП, коллективизация, пятилетки, голод, возврат к самодержавному патриотизму, чистки, была сложной и далеко не однозначной, независимо от политических убеждений отдельных лиц и групп. Здесь мне хочется только подчеркнуть, что эмигрантская печать пристально следила и живо откликалась на все, что происходило в СССР, — и это стоило бы помнить современным иностранным историкам, за-

нимающимся СССР. До того момента, когда Сталин наглухо закрыл «железный занавес», эмиграция разными способами поддерживала контакты с родиной, и до начала 30-х годов ей удавалось обмениваться информацией с советскими коллегами. С этой точки зрения историю первой эмиграции следует разделить на два основных периода — до 1931 года и после него: деление это приблизительно и условно. С укреплением сталинской диктатуры лопнули надежды на скорый конец большевизма и на возможность возвращения на родину. С этого момента эмиграция опознала и осознала себя как отдельный самобытный этап в истории русского общества, как создательницу своей собственной культуры. Заодно она поняла, что ее история неминуемо завершится в довольно скором времени: ее существование за границей обречено, молодое поколение — воленс-ноленс — должно будет включиться в общество той страны, где оно росло и училось (а часто и родилось). Конец пришел скорее, чем они думали: Вторая мировая война окончательно разрушила печать, учреждения и культурные начинания эмиграции и разбросала тех, кто дождался победы.

Восток и Запад

Пушкин был символом петербургской, имперской культуры, но его именем не исчерпывались традиции русской культуры, которые эмиграция почитала своим долгом хранить и развивать. Речь идет, конечно, о той культуре, во всех ее проявлениях, в которой выросли представители эмигрантской творческой интеллигенции и в которой они сами принимали деятельное участие до отъезда из России. Здесь надо помнить, что мы, по существу, имеем дело с двумя поколениями. Старшее участвовало в творческом подъеме так называемого Серебряного Века, и течения этого периода продолжали жить в музыке Рахманинова, Гречанинова, Метнера, в балетах Дягилева, в спектаклях Пражского филиала Художественного театра. Еще более активно развивались за рубежом зачатки религиозного и философского ренессан-

* Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом. 1920-1930 годы. Вып. 1; вып. 2, часть I. Белград, 1931, 1941. T.Ossorguine-Bakounine. L'émigration russe en Europe. Catalogue collectif des périodiques en langue russe 1855-1940. Paris (Institut d'études slaves), 1976.

са, запрещенные и уничтоженные в России. Как известно, Бердяев, Шестов, Франк, Лосский почти половину своих произведений создали в изгнании. Богословская мысль наиболее ярко и глубоко проявилась в трудах С. Булгакова, Г. Флоровского, Г. Федотова, в научно-педагогической деятельности Богословского института Св. Сергия в Париже (основан в 1925 году).

Младшее же поколение творческой эмиграции выросло на течениях, возникших на почве Серебряного Века и развившихся в противодействии ему — то есть в атмосфере авангарда. И здесь необходимо подчеркнуть, что примерно до 1928 года авангард продолжал существовать не только за границей, но и в Советской России (при НЭПе) — и контакты между ними сохранялись. Авангард за границей — в музыке (Стравинский), живописи (Сутин, Бурлюк, Кандинский), в театре (Питюевы) и особенно в литературе (Цветаева, Ходасевич) — не только продолжал существовать, но и имел своих молодых преемников, которые целиком формировались за рубежом (например, так называемая «парижская школа» русской поэзии).

Научное творчество нельзя разделить так четко на два периода. Но знаменательно, что достижения русской науки дореволюцион-

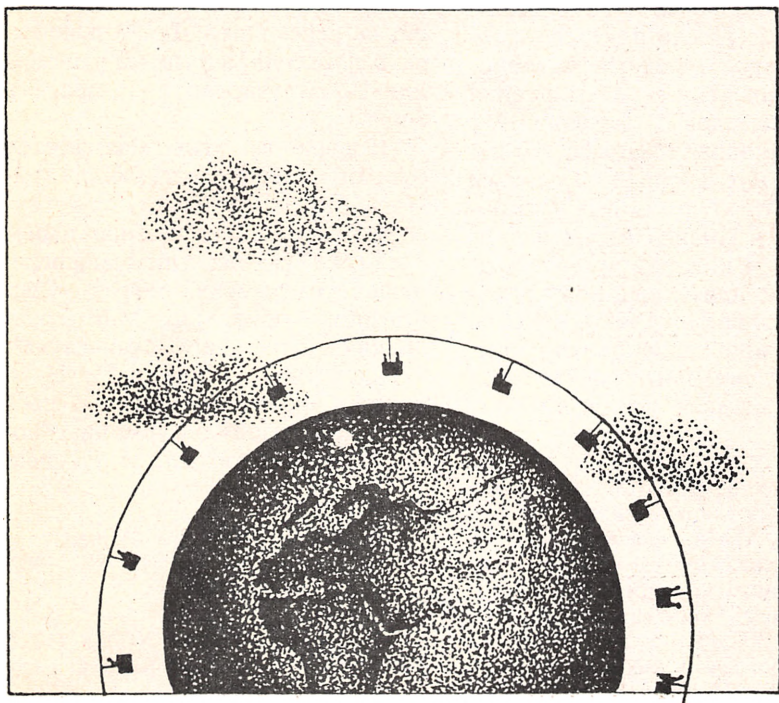
ного периода были перенесены за границу, где они не только быстро завоевали всеобщее признание, но и смогли повлиять на дальнейшее развитие отдельных отраслей в Европе и Америке (например, структурализм в лингвистике, формализм, социологический подход к праву и т. д.). Мне трудно судить о точных и естественных науках, но и здесь вклад русских ученых-эмигрантов и их учеников считается неотъемлемой частью прогресса, например, в учении о сопротивлении материалов, аэродинамике, судостроении, физиологии.

И, наконец, последний и исключительно важный вопрос в истории культуры первой эмиграции: каковы были связи и взаимоотношения между русским творчеством на чужбине и научными, художественными и литературными течениями в странах русского рассеяния? Простого ответа тут быть не может. Да и сама проблема почти не изучена. Очевидно, что в тех областях, для которых национальный язык не играет роли (точные и естественные науки, музыка, живопись), взаимодействие было плодотворным и происходило почти автоматически, едва русские допускались к деятельному участию в соответствующих заграничных учреждениях (научно-исследовательские инсти-

туты, концерты, выставки). Дело осложнялось, когда «общего языка» не было. И здесь мы вновь сталкиваемся с двумя поколениями. Старшие — за исключением всемирно известных, таких, как Бунин или Мережковский среди писателей, — могли лишь творить для соотечественников в изгнании. Они с трудом и неохотно откликались на те новые течения и приемы, с которыми столкнулись за границей. Непохоже, например, чтобы старшие представители Серебряного Века заинтересовались современными западными художественными и литературными течениями (Пруст, экспрессионизм, сюрреализм). Зато младшее поколение, особенно те, кто примыкал к авангарду, многое переняло у своих западных коллег и со своей стороны внесло лепту в западный модернизм: упомянем вновь «парижскую школу», Стравинского, русских режиссеров театра и кино. Иными словами, модернизм как международное явление принял в свои ряды русских эмигрантов, и они принесли с собой свои традиции и достижения своего авангарда. В то время в Советской России уже навязывалась исключительная монополия соцреализма. Как и повсюду, русские эмигранты-обыватели, потребители культуры в массе предпочитали работы старшего поколения, давно уже им знакомые. Так что русские модернисты за рубежом, как и их собратья в других странах, ценились и поддерживались меньшинством.

Теперь уже очевидно, что творчество первой эмиграции принадлежит к общей русской культуре и ее истории. Было бы интересно узнать, что из этого культурного наследия найдет путь в Россию. Кое-какие приметы такого обратного движения проявляются в повышенном интересе к эмигрантской литературе, искусству и науке в Советской России и среди третьей волны.

В этой статье я только затронул некоторые аспекты культурной жизни первой русской эмиграции. По образцу Большой Польской Эмиграции XIX века о ней можно говорить как о Большом Русском Зарубежье. Она заслуживает внимательного исследования и широкого ознакомления с ее жизнью, судьбой и творчеством. □

История одного документа

Михаил Семенов

**Михаил Семенов —
аспирант кафедры истории
Бостонского университета.
Учился в Ленинградском
государственном
педагогическом
институте им. Герцена.
С 1983 года живет
в Соединенных Штатах.**

Среди рукописей и материалов Хоутонской библиотеки Гарвардского университета в Бостоне лежит никем по сей день не замеченный собственноручный документ Петра Первого. Как попал он из канцелярии русского царя в хранилище американского архива? Чтобы ответить на этот вопрос, надо обратиться к далекому прошлому.

Происхождение манифеста

20 ноября 1710 года Турция объявила России войну. Русский посол в Константинополе П.А.Толстой был заключен в Семибашенный замок. После неудачной попытки Петра Великого возобновить дипломатические отношения с султаном царь 25 февраля 1711 года обнародовал манифест о начале войны с Турцией¹. Главным событием этой войны стали Прутская кампания весны и лета 1711 года, в которой русское правительство применило новую тактику. В борьбе с турками русское командование планировало опереться на помощь христианских народов, населявших Османскую

империю. Предполагалось, что Петр обратится к христианам, подвластным туркам, с рядом манифестов, в которых призовет их к восстанию. В самой Османской империи подготовкой восстания занимались многочисленные русские агенты, как правило, выходцы из местных жителей, состоявшие тайно или явно на русской службе. Начало восстания намечалось на тот момент, когда русская армия вплотную приблизится к границам Дунайских княжеств, составлявших тогда часть Европейских владений Османской империи. Сами восставшие должны были слиться с русской армией — это, как считал царь, испугает турок и заставит их, по меньшей мере, не переходить Дунай и не искать сражения, а в самом удачном для России варианте — просить мира².

Первым из этих манифестов русского правительства была грамота Петра Великого черногорскому народу, подписанная царем 3 марта 1711 года. Она была передана через русских агентов в Черногории — полковника М.Милорадовича и капитана И.Лукиевича³. «И сего года, — писал Петр, — весною, намерение имеем... противу неприятеля-бусурмана с воинством наступати... и утеснен-

¹ Подробнее об этом см.: Советская историческая энциклопедия, т.11, М., 1968, с.686; А.З.Мышлаевский. Россия и Турция перед Прутским походом. — В сб. «Военный сборник», 1901, №1-2; Т.К.Крылова. Русская дипломатия на Босфоре в 1711-1714 гг. — В сб. «Международные связи России в XVII-XVIII веках», М., 1966.

² Документы и бумаги Императора Петра Великого, т.11 (1), М., 1962, с.221 (далее: ДИБПВ).

³ А.Кочубинский. Мы и Они (1711-1878). Очерки истории и политики славян. Одесса, 1878, с.127.

ных православных христиан от поганского его ига освободить...»⁴.

Можно с уверенностью сказать, что этой первой грамоте «повезло» больше всего. Она стала самой известной и чаще всего цитировалась историками, как русскими, так и иностранными.

Вторым манифестом было обращение Петра к христианским народам от 23 марта. В этой грамоте, как и в первой, Петр призывал все христианские народы Османской империи объединиться в борьбе против турок. Грамота была адресована представителю местного христианского населения Варненской области⁵. «Я беру на себя тяжкий труд, — писал Петр, — ради любви к Богу, для чего я выступил на войну против Турецкого царства... Я призываю вас идти в войско мое и в сильные мои укрепления... чтоб отвратить страх и начать войну за веру вашу и церкви ваши... Ибо ради освобождения вашего я иду на муки... чтоб избавить вас от рук неверных, восстановить церкви ваши, поднять кресты ваши».

Почему-то этот манифест считается менее значительным, и историки на него ссылаются реже, вероятно, оттого, что общий призыв Петра к христианам — восставать и вступать в русскую армию — к Варне относился как бы в последнюю очередь. Область эта лежала далеко на юго-востоке от предполагаемого места ведения военных действий. И Петр обратился к христианам Варны с призывом вступить в русскую армию без особой надежды на то, что призыв его осуществится. Ничего не известно и о деятельности русских агентов в Варне. И сам манифест был передан христианам Варны не через русского агента, а через Константинопольскую патриархию⁶.

Русская армия, между тем, двигалась к молдавской границе. Во второй половине апреля, находясь уже в своей ставке в Яворово, Петр подписывает грамоту сенатору Рагузской республики (нынешний Дубровник, Югославия).

Власть в Рагузской республике, населенной славянами, принадлежала сенату, а право гражданства имели только христиане-католики. Именно поэтому в своей третьей грамоте Петр подчеркивает необходимость объединения в борьбе с турками всех христиан, независимо от вероисповедания: «Дабы всякий христианин, кого случай и оказия позовет, в таком главнейшем деле, ради пользы всего христианства, послужил против гонителей веры Христовой»⁷.

Примерно в это же время, 12-13 апреля, Петр приказывает генерал-фельдмаршалу Б.П.Шереметьеву, главнокомандующему русской армией, «марш иметь на Бреславль к реке Днестру и... при-

Как попал этот документ в Америку?

быть мая к 15 числу сего 1711 года неотлагательно»⁸. А 13 апреля Петр заключает секретный договор с господарем Молдавии Д.Кантемиром⁹. Согласно договору Молдавия после освобождения ее из-под турецкого ига должна была стать наследственным княжеством Кантемира под протекторатом России. Кантемир обещал русской армии поддержку войсками и провиантом¹⁰.

Заручившись поддержкой Кантемира с одной стороны, и письменными прошениями христиан об оказании помощи — с другой, Петр решил поторопить Шереметьева, продвигавшегося к Днестру. В зашифрованном письме к главнокомандующему русскими войсками царь пишет: «...От всех христиан паки письма получили, которые самим Богом просят, дабы поспешить прежде турок... а ежели умешкаем, то вдесятеро тяжелее... будет свой интерес исполнить...»¹¹.

Уже 7 мая Петр отправляет князя В.В.Долгорукова с инструкцией («Пунктами») к генерал-фельдмаршалу графу Шереметьеву. Ссылаясь на просьбы Мультианского и Валашского господарей, Петр указывает на необходимость двигаться как можно скорее к Дунаю, в надежде, что тогда христиане «не токмо не пойдут, но тотчас с войски нашими совоюются и весь народ свой... побудят к восприятию оружия против турков; на что глядя и сербы (от которых мы тоже прошение и обещание имеем), так ож и болгары и иные христианские народы против турка восстанут, и оные к нашим войскам совоюются... И трудиться привлекать к себе волохов, мулять, сербов и прочих христиан. И которые станут приходить, тем давать жалованья... При вхоже же в Волоскую землю заказать под смертную казнию в войске, чтоб... жителей ничем не озлобляли, но поступали приятельски»¹².

Сегодня все перечисленные документы хранятся по месту назначения. Манифесты, обращенные к христианам Османской империи, находятся в Югославии. Инструкции, посланные Петром Шереметьеву, вместе с Шереметьевым вернулись в Россию и хранятся в Центральном Государственном Архиве Военно-Морского Флота (ЦГАВМФ). Кроме подлинников этих документов, существуют и многочисленные копии, раскиданные по различным архивам Советского Союза.

Иначе обстоит дело с последним из известных обращений Петра к христианским народам во время Прутской кампании — «Манифестом Молдавии и Валахии и всем христианским народам». Петр обращался к христианскому населению дунайских княжеств, куда по плану в ближайшее время должна была вступить армия Шереметьева. Содержание в общем и целом повторяло пункты инструкций, данных Петром Шереметьеву 7 мая, хотя и в более жесткой форме, с угрозами: «Буде же б кто... в сей войне против неприятелей не помогал... те сами своему бедствию и разорению... и конечной гибели от меча нашего виновны будут... и от церкви святой яко

⁴ ДИБПВ, с. 118.

⁵ Там же, с. 153.

⁶ Кочубинский, указ. соч., с.139-140.

⁷ ДИБПВ, с. 185-186.

⁸ Там же, с. 177, 463.

⁹ D.Cantemir. The History of the Ottoman Empire. Bucharest, 1973, pp. 286-290.

¹⁰ ДИБПВ, с. 173-176.

¹¹ Там же, с. 190.

¹² Там же, с. 221-223.

враги христианства... душою вечною погибнуть могут; в чем всех христиан христианским сердцем пререгаем»¹³.

Можно было бы предположить, что этот документ был отправлен в армию Шереметьева в день его написания, 8 мая, с С. Рагузинским, главным агентом России на Балканах и в Дунайских княжествах и надворным советником Петра по делам Православного Востока¹⁴. Однако нет ни одного упоминания о получении кем бы то ни было этого манифеста¹⁵. Возможно, он и не был никуда послан, и по совету Рагузинского Петр решил не посылать столь угрожающий манифест самолично, а предпочел, чтобы предостережения исходили непосредственно от Валахского господаря, который разослал бы «ко всему народу... объявительные листы и указы»¹⁶. Такое воззвание Кантемир действительно написал в конце мая: «...дабы собирались... и пришли к монаршеским войскам... а кто не придет... будут преданы суду... мирскому... и церковному проклятию»¹⁷.

За то, что этот Петровский манифест не был обнародован, говорит и факт, что документ имеется только в подлиннике, причем это единственный манифест Петра, с которого не существует копий. Между тем, если бы манифест был отослан Петром, с него были бы сделаны копии. Вероятно,

именно потому, что, с одной стороны, документ существовал лишь в подлиннике, т.е. в одном экземпляре, а с другой — был сдан в архив сразу после написания его Петром, он никогда не привлекал внимания историков и оставался неизвестным вплоть до 1962 года, когда был опубликован в одиннадцатом томе «Писем и бумаг Императора Петра Великого». В этом фундаментальном издании с обширными комментариями манифест, однако, был напечатан советскими историками без описания истории документа: судя по всему, она была неизвестна даже им.

Путь документа

Так или иначе, манифест, о котором шла речь, стал одним из редчайших собственноручных документов Петра. И здесь начинается детективная сторона истории.

В декабре 1984 года, просматривая каталог Хоутонской библиотеки, я наткнулся на хранящийся в отделе рукописей документ: «Манифест Петра Великого к Балтийским народам». Этот неизвестный мне ранее манифест сразу же привлек мое внимание. Он представлял собой собственноручный документ Петра к... «Народам Валахии и Молдавии» (составители каталога ошиблись). Но теперь уже меня поразило другое. Как попал этот документ в США? Если, как можно считать со всей определенностью, он никогда не отсылался Петром, место его было в СССР. Если же даже и отсылался — то где-нибудь в Румынии. И на что ссылаются публикаторы многотомного издания бумаг Петра (я не помню, чтоб хоть раз ссылались на американские архивы)? Открыв соответствующую страницу одиннадцатого тома «Писем и бумаг Петра», я прочитал под опубликованным там манифестом к народам Валахии и Молдавии следующее: Государственная Библиотека им. Ленина, Музейное собрание, № 1409-б (за этим номером хранятся документы с автографами Петра), папка № 1.

Тексты опубликованного в книге документа и лежавшего передо мной оригинала были идентичны,

слово в слово. Совпадало даже описание: «с печатью красного воска под кустодией». Но, может быть, Хоутонская библиотека приобрела подделку? Судя по всему, нет. В пользу этого говорит не только солидный вид документа, но и история его путешествия. Оказалось, что документ был куплен Хоутонской библиотекой в одном из антикварных магазинов Бостона в 1967 году за... 500 долларов. Магазин, в свою очередь, приобрел этот документ на аукционе в германском городе Марбурге в том же 1967 году за 2000 марок, т.е. за те же 500 долларов по тогдашнему курсу. Между днем покупки документа в Германии и днем продажи его Хоутонской библиотеке прошло чуть больше двух недель (факт сам по себе достаточно любопытный). Попытки определить, каким образом попал документ на аукцион в Германию, не дали решительно никаких результатов. Но здесь остается не так уж много вариантов: либо документ был продан советским правительством, либо украден из библиотеки им. Ленина и переправлен на Запад нелегально.

Маловероятно, однако, чтобы советское правительство стало продавать одинокий манифест Петра (никаких других русских документов на аукционе в Германии не продавалось), да еще за столь низкую цену. Куда более правдоподобным выглядит предположение, что манифест исчез из библиотеки им. Ленина где-то между 1962 и 1967 годами и нелегально вывезен из СССР (штампа «разрешен к вывозу» на документе, по крайней мере, не имеется). Кто его вывез, остается загадкой; нельзя ответить и на вопрос, почему на этот документ, единственный в своем роде и не имеющий копий, не обратили внимания западные исследователи. Это относится как к организаторам аукциона в Западной Германии, так и к американским специалистам; в частности, к консультантам Хоутонской библиотеки, не поинтересовавшимся происхождением столь редкого документа. Остается только надеяться, что сотрудники Хоутонской библиотеки будут относиться к манифесту бережно. И Петровскому документу никуда уже более путешествовать не придется. □

¹³ Там же, с. 226-227.

¹⁴ См.: там же, с. 492; С.К.Богоявленский. Из истории русско-сербских отношений при Петре Первом — ж. «Вопросы истории», 1966, №8.

¹⁵ Об этом свидетельствуют, в частности, следующие источники: ДИБПВ, с. 491, 246, 506; M.Kagalnicean. Cronicle Romanei sen Letopisetel Moldaviei si Valachiei, vol. 2, p. 100-102; C.Serban. Un episodal campaniei de la Prut: cucerirea Brailei (1711). — "Studii si materiale de istorie medie", vol. II, 1957, pp. 449-450.

С Рагузинским же 8 мая в армию Шереметьева был послан другой документ — «Патент объявительный», который, как достоверно известно, не сохранился.

¹⁶ ДИБПВ, с. 222.

¹⁷ Там же, с. 491.

Роза это роза это чеснок

Пол Стефен

**Пол Стефен —
художественный критик.
Живет в Бостоне (США).**

Я не принадлежу к какой-либо определенной школе. Я рассматриваю свое творчество как мое собственное. Я знаю, чего хочу».

*Ольга Антонова
в беседе с автором*

Классификация необходима всегда, независимо от предмета, и поэтому художнику не удивил вопрос интервьюера: «Как бы вы сами определили свое творчество, куда вы поместили бы его в контексте истории искусства, художественных направлений?» Маленькая женщина, сидевшая на стуле напротив, простодушно взглянула на собеседника и произнесла слова, приведенные выше, — с чувством собственного достоинства и отнюдь не извиняющимся тоном.

Ее студия находится на третьем этаже дома в Кембридже, в штате Массачусетс. Это всего в нескольких метрах от потока машин, мчащихся к Бостону, университету и научно-техническим заведениям Кембриджа, но до дома, расположенного на невысоком холме и соседствующего с частной школой и большой улицей, этот шум почти не доносится. Две комнаты, кото-

рые она снимает, завалены красками и кусками оргалита. Она живет в этой скромной обстановке с полным убеждением в уникальности своего творчества.

Ольга Антонова родилась в Ленинграде в 1956 году, училась в Академии художеств, где получила классическое образование, давшее ей уверенное владение техникой. В ее живописи легко разглядеть долгие часы рисования под руководством требовательных наставников, недели, проведенные в Эрмитаже за копированием работ мастеров, проницательность юной студентки.

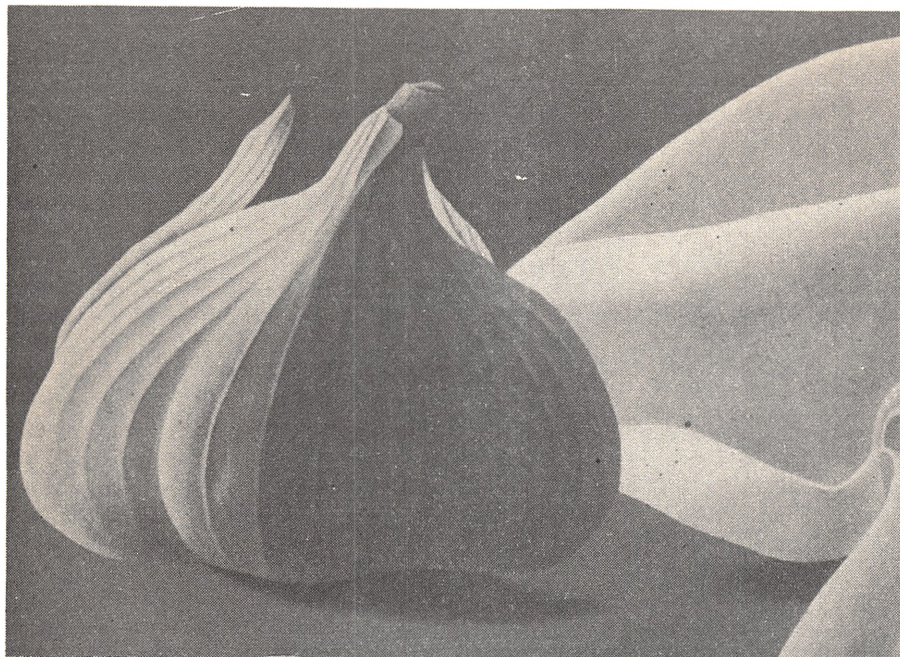
Объекты живописи Антоновой прозаичны: чеснок, яйца, ножи, ботинок, джинсы. Автопортреты и ню (с использованием себя самой в качестве модели) дополняют тематику ее работ. Она говорит, что предпочитает натюрморты: «Для меня фигура — это натюрморт, голова — это предмет».

Она работает в масле на обработанном оргалите размером от 6х6 до 26х30 дюймов. Однажды она сделала двойной автопортрет с кошкой на плоскости размером 40х60 дюймов, но это для нее не характерно. Сначала размеры и выбор материала диктовались финансовыми соображениями, холст дорог, а работы большого размера требуют больше растворителя и красителя. Но оказалось, что это самый подходящий размер для ее работ, и она выбрала бы его снова, даже если бы вопрос не упирался в деньги.

Ее любовная и точная передача выбранного объекта достойна восхищения. Она очень ценит голландских художников XVII века, особенно Тербрюггена и Питера де Хооха, и ее работы часто приближаются к их совершенству в передаче материала и фактуры поверхности. Но ее талант состоит не просто в передаче реальности. Она несомненно художник, то есть человек, который путем применения своего интеллекта и технических средств к элементам реальности преобразует их, создавая новое понимание, что по определению и есть функция искусства.

Чеснок, который фигурирует или доминирует в некоторых картинах Ольги Антоновой, не относится к числу обычных объектов серьезной живописи. Чеснок в контексте изящного искусства немедленно вызывает интерес и пробуждает любопытство. Почему именно чеснок? «Чеснок одновременно прост и сложен. К тому же, он (в определенном контексте) ироничен». Воссоздание этой органической формы во всех ее вариантах белого на плоской поверхности — задача технически сложная, но для создания картины, которая была бы не просто мастерски выполненной иллюстрацией, требуется следующая ступень мастерства. И здесь Антонова выходит победителем, помещая чеснок на плоскость, разделяя фон на две горизонтальные плоскости белого, где оттенки настолько близки, что даже не спорят между собой. Нежные вариации белого, изоля-

ция предмета в пустом пространстве, невпитывающая поверхность оргалита и точная пропорция растворителя и красителя создают прозрачное и притягивающее взгляд целое.

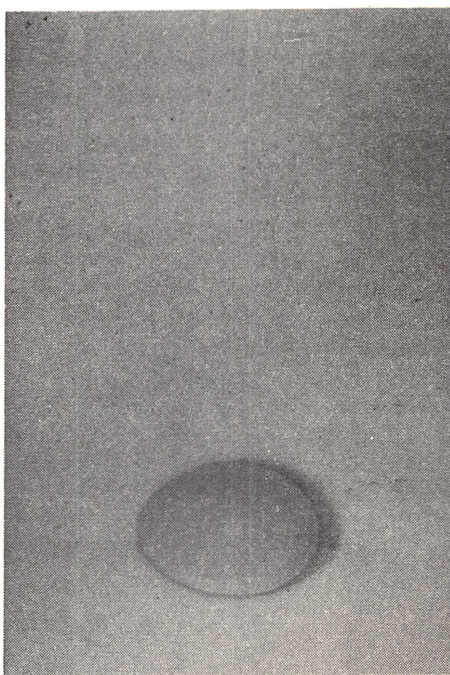
На другой картине головки чеснока расположены симметрично вдоль подоконника. Сзади находится мир сада на крыше и деревьев. Здесь, наверное, можно увидеть связь с живописью Возрождения, где «за длинным пальцем лежит мир во всех его деталях».

Она просит зрителя принять всерьез шесть ножей, расположенных симметрично между двумя столами, частично видна смятая использованная салфетка на каж-

дом столе. И она добивается успеха в этом неправдоподобном, а потому сюрреалистическом образе. Реакция зрителя — любопытство и восхищение очевидным мастерством, но затем у него пробуждается некоторое недоумение, возникает вопрос, почему эти предметы находятся в такой странной позиции. А что с теми двумя, которые сидели за отдельными столиками, соединенными мостиком из ножей, с теми, кто покончили с едой и бросили салфетки, чтобы обозначить свое присутствие здесь? Художнице снова удалось создать напряжение, которое вызывают образ, растворитель, фон и незаурядное

мастерство. Нас побуждают не только восхищаться, но и думать.

Для ее автопортрета характерно уверенное владение техникой, высокое качество живописи, невыписанный фон. Лицо на каждом портрете другое, и только на одном художница изображена в полный рост, правда, сидящая на стуле. На этой самой большой из ее работ она сидит в обширном пространстве, пустом, за исключением другого стула, на котором свернувшись лежит белый кот. Хотя художница верит, что голова и лицо свидетельствуют о характере («лицо — зеркало человека»), вы не найдете здесь больших открытий. Лица бесстрастны, так что зрителю предоставляется са-

мому угадывать сущность героини. В одном портрете забавное освещение придает иронически-мужественный вид фигуре в широкополой шляпе и двубортном плаще, и это же лицо преобразается в нежное и тонкое в двойном автопортрете, в котором фигура отступает назад, как во сне. Если здесь что-нибудь и раскрывается, то всего лишь понимание того, что раскрывать нечего, и обнаружение иронического смысла игры в модели-художнице.

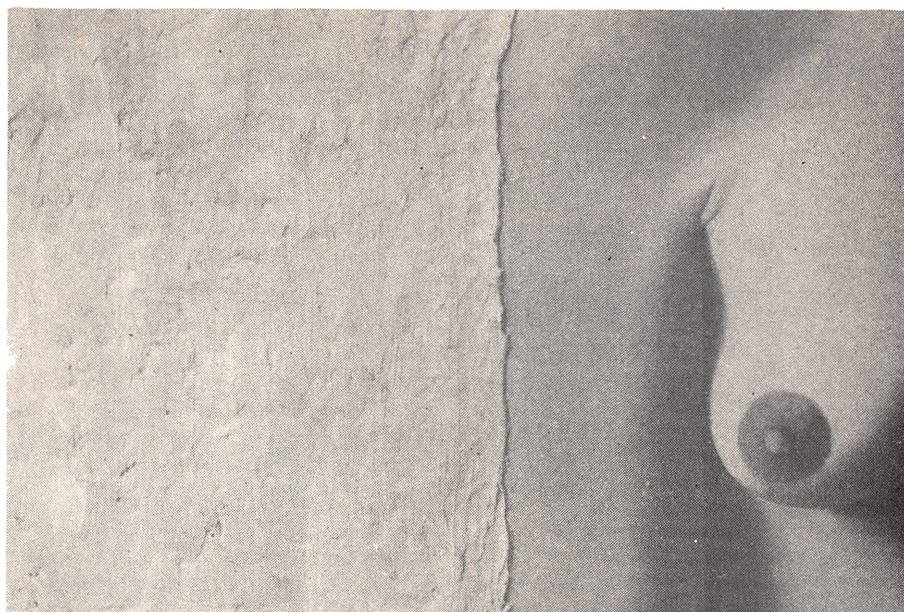
Ню — это части тела, нежная мягкость груди и живота молодой женщины, контрастирующая с фоном из грубой штукатурки. Как и в натюрмортах, за пределы чистой техники картину выводит

выбор фона, расположение и подбор анатомических частей и виртуозность художницы. И именно в этих картинах зритель замечает плоскую холодность света, присущую многим работам Антоновой. Становится очевидным контраст между чувственностью субъекта и холодной безучастностью света.

Как свойственно лучшим художникам во все времена, Ольга Антонова хорошо знает историю искусств. У голландцев и художников итальянского Возрождения она училась технике, у сюрреалистов она переняла многое в своей интеллектуальной позиции. Может быть, особенно важны для нее были Магритт и Тангю с их великолепным мастерством в сюрреалистическом контексте. Пожалуй, из числа влияний следует исключить большинство современных реалистов, хотя некоторые фигуры на ее работах напоминают Вильяма Бекмана. Можно обнаружить некоторое родство с творчеством Грегори Гиллспи, художника, с которым Антонова

знакома лишь поверхностно. Но это модное швыряние именами, по существу, не имеет отношения к делу.

Помещая неодушевленные предметы или фигуры в изоляции

и в неожиданный контекст, рисуя их в манере, которая вызывает в памяти представление о том, как в прошлом изображали предметы поклонения и уважаемых людей, она создает настоящее искусство. Для нашего времени это редкость. □

Снова Арманд Хаммер

Если нужна иллюстрация к публикуемой в этом номере «Обозрения» статье С. Левченко об «активных мероприятиях» советского руководства, можно сказать, что она дана в статье, опубликованной в парижской газете «Интернейшнл хералд трибюн» от 23 сентября под заглавием «Предложение Рейгана, которое могло бы спасти встречу на высшем уровне». Автор статьи — известный американский бизнесмен Арманд Хаммер, который был бы прекрасным образцом услужливого дурака, если бы не тот факт, что он — отнюдь не дурак, а человек, действующий уже много лет вполне сознательно и целенаправленно в интересах советской власти. (См. «Обозрение», № 5, июль 1983.)

В данном случае создается впечатление, что советское руководство использует Хаммера в том же плане, в каком оно прибегает к услугам журналиста от КГБ Виктора Луи: для передачи предложений или сообщений, которые не желает делать открыто и официально, но хочет довести до сведения западного общественного мнения в пропагандистских целях. Сам Хаммер толкует ситуацию в обратном смысле: это он, дескать, высказывает оригинальные мысли о решении мировых проблем, а советское руководство затем их у него «заимствует». Беда в том, что кто-нибудь из неискушенных читателей американских газет мог бы и поверить в эту версию, да и

вообще во все то, что пишет Хаммер, тем более, что ни «Нью-Йорк таймс» (где его статья появилась первоначально), ни «Интернейшнл хералд трибюн» не сочли нужным объяснить своим читателям, что американская компания Оксидентал Петролеум Корпорейшн, во главе которой стоит автор статьи, самым тесным образом связана с советской экономикой, и сказать хотя бы несколько слов о биографии самого Хаммера. Так и создается дезинформация — при благосклонном попустительстве газет, публикующих такого рода статьи без комментариев.

Предложение Хаммера, которое должно было бы «спасти встречу на верхах» (то есть встречу между президентом Рейганом и Горбачевым в Женеве в ноябре этого года, которую Хаммер считает обреченной на фиаско, — раз ее надо спасать) состоит в следующем: когда-то президент Рейган сказал, что в будущем он готов будет поделиться с другими нациями, в том числе и с Советским Союзом, результатами изучения и разработки проекта СОИ. Он имел в виду то время, когда СОИ станет реально существующей системой, готовой для использования. Так вот, пишет Хаммер, пусть он это делает сейчас же, пусть предложит советскому руководству вести всю исследовательскую и подготовительную работу совместно — и, очевидно, пусть предоставит ему в пользование всю ту «со-

вершенную технику», которая необходима для осуществления этого проекта. Таковой у Советского Союза нет, и он вряд ли вообще может ее создать. Если Рейган сделает это, то тогда мир на земле будет прочно установлен «под зонтом доброй воли над двумя сверхдержавами».

Принимая во внимание, что все усилия советского руководства направлены, с одной стороны, на то, чтобы добыть себе правдами, а в основном — неправдами информацию об американской технологии и образцы американской техники, а с другой стороны — на отмену США разработки СОИ (потому, что Советский Союз знает, что ему не угнаться за Америкой в этой области), надо сказать, что это ход, гениальный по своей простоте. Вряд ли, однако, советское руководство рассчитывает на то, что такое «предложение» может быть принято всерьез кем бы то ни было из американских политических и государственных деятелей. Но в рамках пропагандистской кампании все это вполне полезно. У «рядового» читателя может остаться в памяти, что вот была возможность «спасти встречу на верхах», но это не получилось, потому что Рейган не пожелал сдержать данного обещания. А что обещания такого он никогда не давал и дать не мог — это уже второстепенно, и кто об этом вспомнит?

И.А.

Наталья Вовси-Михоэлс. Мой отец Соломон Михоэлс. Воспоминания о жизни и гибели. «ЯКОВ ПРЕСС», Тель Авив, 1984.

На обложке книги — знаменитый набросок Александра Тышлера: Михоэлс в роли короля Лира. Те, кому посчастливилось видеть великого еврейского артиста в шекспировской драме, вспоминали об этом как о значительном событии своей жизни. Но и сама трагическая судьба Михоэлса дает материал для драмы поистине шекспировского масштаба.

Хотя автор книги пишет в предисловии, что ее задача — «рассказать о Михоэлсе-человеке, о том Михоэлсе, каким он был дома и каким его мало кто знал», рамки повествования оказываются существенно шире. Да и сама Наталья Вовси-Михоэлс признает, что невозможно рассказывать об отце, минуя историю создания и работы Государственного Еврейского Театра — ГОСЕТа, рождение которого в 1919 году, «в хаосе разрушения и суеверия», Михоэлс называл «великим чудом». Поэтому на страницах книги неизбежно возникают зарисовки актеров театра, среди которых выделяется нарисованный с особой любовью портрет замечательного мастера и друга Михоэлса Зускина, воспоминания о еврейских писателях и поэтах, сотрудничавших с театром.

У Михоэлса были две основные теории, которые определяли его жизненную позицию и отношение к людям. Первая состояла в том, что «человек рождается либо богатым, либо нищим, и это ни в коей мере не связано с его карманом»: один, даже имея миллион, будет чувствовать себя нищим, зато родившийся богатым чувствует себя богачом, даже не имея ни гроша в

кармане: «ты щедро живешь, щедро помогаешь...» Сам Михоэлс принадлежал к категории богатых. Вторая теория — в том, что «люди рождаются старшими и младшими». Всю жизнь Михоэлс прожил с ощущением «старшего», который должен опекать «младших», заботиться о них, помогать им в трудные минуты. И люди шли к нему со своими бедами и заботами, зная, что найдут у него помощь и поддержку.

«Я обвешан судьбами» — эти слова не раз слышали от него домашние.

Кроме ролей в ГОСЕТе, Михоэлс играл еще одну роль, навязанную ему Сталиным, — «Главного еврея Советского Союза». В годы войны он попытался однажды подсчитать с дочерью все свои звания и должности. Набралось около двадцати. Но миру он был известен прежде всего как замечательный актер, руководитель Еврейского театра и как глава созданного в военные дни Еврейского Антифашистского комитета. Михоэлс прекрасно понимал свою функцию в политике властей и с настороженным недоверием относился к официальному признанию, повторяя любимое библейское изречение: «ни мне меда твоего, ни укуса твоего» и определяя свою роль как роль «ширмы»: «Если будут говорить, что у нас есть антисемитизм, «они» могут со спокойной совестью ответить: "А Михоэлс?"...»

Глава о гибели Михоэлса в январе 1948 года названа строкой из поэмы Переца Маркиша «Не завершён твой грим, но он в всах прославлен...» Она была написана за одну ночь, когда гроб с телом убитого Михоэлса стоял в ГОСЕТе и к нему шел нескончаемый поток народу. Наталья Михоэлс считает поэму одной из основных улик в деле Переца Маркиша, арестованного через год после смерти Михоэлса и расстрелянного в августе 1952 года,

вместе с другими выдающимися деятелями еврейской культуры. Страшная судьба постигла и брата Михоэлса — Мирона Вовси, арестованного по «делу врачей», и друга и партнера Михоэлса, замечательного актера Зускина, которого «взяли» в больнице.

С самого начала власти сурово расправлялись со всеми, кто мог бы пролить свет на загадку смерти Михоэлса. Случайная свидетельница убийства, минская девушка, получила 10 лет лагерей — она имела глупость сообщить в милицию, что видела, как грузовик охотился за бежавшими от него людьми.

Имя Михоэлса больше не является запретным у него на родине. Но история его гибели до сих пор подается в фальсифицированном, лживом варианте. Его архив, вместе с архивами Таирова и Мейерхольда, погиб во время таинственного пожара в театральном музее имени Бахрушина в Москве. И нет ничего удивительного в том, что книга его дочери — о нем самом и о разгроме еврейской культуры в Советском Союзе — вышла в Израиле. □

**Ида Левина
Бостон**

Владимир Паперный. Культура «Два». Ардис, 1985.

Монография — итог многолетнего труда. Основная часть книги написана в Москве, в Институте истории архитектуры, где работал В.Паперный. Однако достаточно прочитать несколько первых страниц, чтобы понять, что такое исследование не могло быть опубликовано в СССР. Лишний раз убеждаешься в значимости лите-

ратуры, издающейся в условиях эмиграции.

Книга Паперного — цельное и подробное исследование. Она не является историей советской архитектуры, а посвящена анализу определенных процессов, связанных с ее развитием. Нередко можно встретиться с упрощенным представлением о состоянии литературы, искусства, науки в СССР. На самом деле, даже в жестких рамках советской действительности происходит борьба различных течений. Именно этот аспект и интересует автора.

Книга весьма своеобразна и по содержанию, и по структуре. Название разделов — «Коллективное — индивидуальное», «Импровизация — ноты», «Движение — неподвижность» — говорят об основном принципе ее построения: автор пишет о борьбе двух «культур». Они существуют в рамках советской действительности, но значительно отличаются друг от друга. В книге не дается точное определение каждой из «культур», но описываются их основные черты. Обе культуры отрицают достижения прошлого. Однако культура 1 динамична, стремится к стиранию границ и т.д. Культуре 2, наоборот, свойственна замкнутость, она «...объявляет себя концом истории». Как отмечает автор, культуре 1 можно сопоставить некоторую «горизонтальность», децентрализацию, в то время как «культура 2 характеризуется перемещением ценностей в центр. Общество застывает и централизуется» (стр. 17).

Анализу подвергнут большой фактический материал. Автор рассказывает о борьбе двух «культур» и прослеживает постепенную победу «культур» 2.

На многочисленных примерах автор демонстрирует, сколь активным было вмешательство партийной бюрократии в дела архитектуры. Особое внимание к архитектуре не случайно. Картину нежелательного художника можно спрятать в подвал, книгу изъять из библиотек, а с архитектурой сложнее. И вот секретарь МК ВКП(б) Л.М.Каганович указывает, как надо проектировать театр Красной Армии (стр. 92), а секретарь ЦК КП(б) Украины Н.С.Хрушев приказывает разрушить не понравившийся ему павильон УССР (стр. 162), Сталин утверждает план гостиницы «Москва» (стр. 111) и т.д. Очень интересно читать о созыве съезда архитекторов (гл. 1), о проектировании Люсиновской улицы в Москве (стр. 131) и, наконец, о знаменитой истории создания проекта Дворца Советов. То же можно сказать и о разделах, посвященных строительству ВДНХ, о создании плана монументальной пропаганды и т.д. Но книга — не просто интересное описание событий. Автор весьма последователен, он четко проводит концеп-

цию противодействия двух культур. Отметим также, что книга прекрасно и очень доказательно иллюстрирована.

В каждом разделе книги автор приводит аналогии из истории России, и это также является ее несомненным достоинством. Несмотря на уникальность советского тоталитарного строя, целый ряд явлений, характерных для СССР, аналогичен тому, что было в русской истории. Ведь не случайно таким успехом в Москве пользовался спектакль «Смерть Иоанна Грозного». Зрители находили многое из происходящего на сцене созвучным современности.

Что же касается идеи цикличности событий русской истории, то она является, мягко говоря, спорной. Так, автор отмечает интересную аналогию в поведении Петра и Сталина и при этом высказывает предположение о «едином циклическом культурном процессе». Однако следует отметить, что автор не настаивает на идее цикличности, а высказывает ее как гипотезу.

В.Паперный не ограничивается описанием развития советской архитектуры — он рассказывает о том, что происходило в кино, литературе, живописи, о взаимосвязи различных явлений.

Книга полезна всем, интересующимся культурными процессами, происходящими в СССР. Вероятно, она будет переиздаваться, и ее следует перевести на другие языки. В связи с этим мне хочется высказать ряд пожеланий автору.

Разумеется, многое из истории СССР не может быть описано в терминах «культур» 1 и 2. Автор это понимает (стр. 16), однако он так увлечен своим подходом, что иногда его переоценивает. Например, утверждение о том, что эмиграция является проявлением культуры 1 (стр. 55), мне представляется сильным упрощением. То же самое можно сказать и в отношении высказывания о творческих поисках Мейерхольда (стр. 132, 173). Мне кажется слишком прямолинейной попытка установить соответствие между «вертикальностью» культуры 2 и вертикальностью архитектурных форм (гл. 1).

Второе замечание связано с языком книги. Надо сказать, что автор владеет прекрасным литературным языком. «Культура Два» не беллетристика, это серьезное исследование, однако создается впечатление, что автор иногда усложняет язык без реальной необходимости. Например: «Речь идет всего лишь об интенции горизонтальности, так и не реализовавшейся с точки зрения Бруно Таута, то есть с точки зрения одного из полюсов, к которому направлена горизонтальная доминанта» (стр. 63); «Возникает специальный социальный механизм —

условно назовем его цензурой, — который занят трансляцией знания истинного результата в прошлое, то есть, к истокам пути, ведущего к этому результату» (стр. 189). Подобные конструкции не делают мысль глубже, но встреча с ними сильно затрудняет чтение.

Серьезный фундаментальный труд В.Паперного найдет, несомненно, свой широкий круг читателей. □

В.Кресин
Окленд (США)

Miron Dolot. Execution by Hunger: the Hidden Holocaust (Мирон Долот. Казнь голодом: скрытый холокост). W.W.Norton & Company. New York, London, 1985.

«Казнь голодом» — уникальное и волнующее свидетельство человека, пережившего голод 1932-33 гг. на Украине. Воспоминания Мирона Долота особенно ценны потому, что лишь немногие из свидетелей этого периода написали о нем. Наиболее подробные свидетельства принадлежат Виктору Кравченко («Я выбрал свободу») и Льву Копелеву («И сотворил себе кумира»): оба рассказали о своей работе в качестве исполнителей государственной политики в бытность свою комсомольцами. В отличие от этих книг мемуары Долота — это воспоминания жертвы голода-геноцида, который, по имеющимся оценкам, уничтожил 5-7 миллионов украинцев. Автор книги в то время был подростком. Жертвами голода стали его соседи, друзья, родственники.

Долот рассказывает о том, как его деревня — зажиточная, тесно спаянная община — оказалась на грани нищеты и смерти. Он начинает свой рассказ с 1930 года, когда в селе появились «двадцатипятипятисычники», присланные центром для осуществления политики режима. Эти фанатичные партийцы и администраторы — ничего не смыслящие в сельском хозяйстве и не знающие местных условий и языка — были орудием сталинской политики принудительной коллективизации и «ликвидации кулачества как класса», по сути дела политики войны против крестьянства, целью которой было сломить гордого и независимого украинского крестьянина.

Из первой главы читатель получает представление о бюрократической системе, которая в конце концов поглотила деревню, как бы гипнотизируя ее жителей, лишая их способности к действию. Чтобы обеспечить полный и непосредственный контроль над

каждым жителем деревни, были созданы бесконечные административные отделы и подотделы: в селе, где проживало 4 тыс. человек, было 652 чиновника — пропорция 1:6. Большинство новоявленных чиновников низшего уровня были обыкновенные крестьяне, вынужденные сотрудничать с режимом, чтобы избежать клейма «враг народа». В изображении Долота эта администрация выглядит как парадоксальное сообщество самоубийц: ведь крестьяне были вынуждены принимать активное участие в системе, которая в конечном итоге их уничтожила.

Деревня, в которой жил автор, описана как микрокосм всей советской системы, до предела извращенной и абсурдной. Например, ликвидация кулаков уничтожила самых продуктивных хозяев и сильных личностей и позволила самым ничтожным жителям деревни занять такие должности, что они получили возможность грабить, бить людей, преследовать и вредить своим односельчанам. В книге приведены многочисленные примеры преступлений, совершенных садистами и насильниками. Нормальные отношения между людьми были безобразно искажены официальной политикой, которая регламентировала каждую деталь личной жизни, разжигала недоверие, подозрительность, враждебность и доноительство.

С помощью разнообразных прие-

мов — от угроз до взяток — представители власти смогли добиться полной коллективизации в деревне к началу 1931 года. В этом процессе примерно треть населения была уничтожена или сослана, запасы съестного и ценные вещи у крестьян конфискованы, домашние животные уничтожены, независимые крестьяне превращены в рабов. После очередной кампании по сбору зерна, после того как комиссия по изъятию хлебных излишков забрала последние остатки зерна у обнищавших крестьян, люди начали умирать от голода. В памяти Мирона Долота на всю жизнь остались эти страшные сцены: голодные люди ползали по селу, выпрашивая, вымаливая крохи хлеба. Некогда гордые и честные крестьяне превратились в бродяг, не останавливающихся ни перед чем в борьбе за жизнь. Автор рассказывает о воровстве, убийствах, самоубийствах и даже людоедстве — он был свидетелем всех этих страшных событий. Голод, разгар которого пришелся на суровую зиму 1932-33 годов, окончательно сломил украинского крестьянина.

Повествование Долота — это подробное описание травматических и трагических событий, через которые пришлось пройти ему и его близким. Его собственная история — это история страшной борьбы за выживание. Но сама книга — не просто сборник фактов и воспоминаний. Хотя автор и

говорит о том, что предпочел бы предоставить исследование историкам и социологам, в своих рассуждениях он касается самой сущности сталинской политики коллективизации на Украине. Долот предполагает, что эта политика была не просто направлена на изъятие зерна для нужд городов в процессе индустриализации, это еще была и умышленная попытка выкорчевать украинский национализм, сломив дух украинского крестьянина. Введя такие драконовские меры, как закрытие всех государственных магазинов, запрещение крестьянам торговать и выезжать из мест, пораженных голодом, запрет на ввоз продуктов в эти районы, Сталин искусственно создал голод там, где его могло бы не быть. Урожай 1932 года (14,4 миллионов тонн зерна) был вполне достаточен, чтобы предупредить массовый голод. Можно вспомнить и о том, что в разгар голода Советский Союз продавал зерно Западу.

После страшной зимы 1932-33 годов автору книги удалось покинуть родное село: он осуществил свою мечту об образовании и стал школьным учителем. Во время войны был на фронте, попал в плен и остался на Западе. Он — автор статей и брошюр о голоде на Украине, опубликованных под псевдонимом Мирон Долот. □

Кэтлин Бейли
Бостон

ПОЧТИ ЧТО ЮМОР

Боль и одобрение

«Глубокой болью в сердце отзывалось сообщение о смерти Константина Устиновича Черненко.

Весть об избрании на Пленуме ЦК КПСС Генеральным секретарем ЦК КПСС товарища М.С.Горбачева вызвала у всех нас единодушное одобрение».

(Из письма доярки —
«Известия»,
13.3.1985)

Дело Л.Мартова в революционном трибунале

(Окончание)

Выступление защитников

По открытии заседания обвинитель Сосновский предлагает отказать в вызове свидетелей, проживающих на Кавказе, а отложить дело для вызова и допроса тех, кто проживает в Москве и Петрограде. Иначе дело затянется.

В защиту Л.Мартова выступает рабочий Тульского завода Александров. Он заявляет, что среди рабочих есть еще мнение, что революционный трибунал обеспечивает лучше всякого другого суда выяснение истины. То, что делаете вы здесь — покажет им...

Председатель трибунала лишает т.Александрова слова. Тот пытается продолжить свою речь, но председатель настойчиво заявляет ему, что в случае неподчинения он принужден будет прибегнуть к иным средствам воздействия.

Л.Мартов возмущенно протестует:

— Я хочу знать, вправе ли я свободно выбрать себе защитника. Я требую, чтобы вопрос этот был разрешен не председателем единолично, а всей коллегией трибунала.

Трибунал смущенно удаляется на совещание и признает за Александровым право кончить свою речь.

Следующий защитник, т.Лапинский, спрашивает, разрешен ли трибуналом вопрос о свидетелях или нет.

— Это зависит от т.Сталина, который возбудил дело, — наивно заявляет председатель.

— Но, ведь, он — сторона в деле, — протестует т.Лапинский. — Я ходатайствую хотя бы о письменном показании кавказских свидетелей. Иначе процесс о клевете превратится в процесс о диффамации: этим пользовались в старое время власть имущие, но каждый уважающий себя гражданин-демократ, желающий действительно оберечь свою честь, так не поступит.

— В этом деле, — продолжает защитник, — много странного. Свидетелей нам не дают возможности вызвать; шли мы в следственную комиссию, — а оказались в трибунале, и не в революционном трибунале, а трибунале печати. Даже имен судей нам не сообщили.

Л.Мартов в свою очередь настаивает на допросе всех свидетелей.

— Я прошу, — говорит он, — чтобы суд принял меры к получению показаний всех свидетелей, хотя бы почтой. Заявляю также снова, что дело мое ведется действительно более чем странно.

Необходимо вызвать их, ибо только члены Закавказской организации могут показать, как в действительности обстоит дело со Сталиным. Печатных отчетов о тайных заседаниях суда в период нелегального существования с.-д. партии нет, и лишь свидетели могут сообщить о фактах этого времени. Пригласить свидетелей в суд я не могу, ибо многие из них — мои политические противники. Их должен вызывать суд и должен представить их явиться сюда. Я же

продолжаю утверждать, что прошлое Сталина — есть прошлое экспроприатора.

Неожиданно Сталин становится в наивную позицию:

— У Мартова, — говорит он, — ни тени фактов или доказательств. Пусть он признает свою вину! и я сниму обвинение. А после он может доказывать в третьей инстанции свою правоту. Хотя через год, через два. Пока же я настаиваю: никаких уступок, он должен понести немедленно кару. Я предлагаю свидетелей не вызывать и сейчас рассмотреть дело.

Тов. Лапинский. Обвиняемому ставится в вину представление доказательств, но это софизм, ибо свидетели и есть классическое свидетельство, а обвинитель старается именно этого доказательства не допустить. Мы имеем пред собой небывалый случай, когда социалист, привлекая к суду своего политического противника по обвинению в клевете, добивается у суда отказа в вызове свидетелей. Обвинитель разошелся тут даже с своим представителем на суде, который, по крайней мере, согласен на вызов некоторых свидетелей, проживающих в Петрограде и Москве. Обращаю внимание на это характерное обстоятельство.

Заявление Мартова

— Я — сторона в деле и заявляю, что доказать правильность своего утверждения могу лишь тогда, если будут допрошены назначенные мною свидетели.

— Гражданин Мартов, — неожиданно спрашивает председатель, — а если свидетелей не удастся допросить — как быть тогда?

— Я не юрист, — отвечает Л.Мартов, — и своей кандидатуры на пост председателя трибунала не выставлял. Но думаю, что сейчас трибунал должен приложить все старания, чтобы дать мне возможность доказать свою правоту. Я помню, когда Ленин был предан партийному суду по обвинению в клевете на меньшевиков и дело это слушалось под председательством Козловского, то мы дали своим противникам использовать все доказательства и допросить всех свидетелей. Дело длилось с января до июня. Но я не намерен затягивать дело. Скажу одно: если нельзя будет допросить свидетелей, — это мое несчастье, но если они не будут допрошены потому, что этого не хочет Сталин, — то это его несчастье.

Напомню еще одно: когда мы судили Ленина, мы составили коллегию из 5 большевиков и 4 меньшевиков. Мы предоставили ему все средства защиты. Нельзя ссылаться на то, что оклеветанному трудно жить: живу же я, хотя в «Правде» Демьян Бедный утверждает, будто меня «купил буржуй»? Проживет и Сталин, и, вероятно, очень недурно. Может иначе получиться такая же история, какая была в деле Малиновского. Я высказал подозрение в причастности его к охране. Меня привлекли к швейцарскому суду, перед которым не могли предстать свидетели, знавшие правду о Малиновском. Когда я отказался от такого суда, то в большевистской газете напечатали, что я клеветник. Прошли года — и оказалось, что Малиновский был провокатор.

Сосновский не унимается и настаивает на невызове свидетелей.

Постановление суда

Председатель настойчиво добивается ответа от Сталина, хочет ли он слушать дело сейчас или согласен на отсрочку. Сталин упорно возражает против вызова свидетелей с Кавказа, утверждая, что с Кавказом нет никакого сообщения.

— Да ведь Сталин сам отправляет сейчас людей в Тифлис, — недоумевает Л.Мартов. — Почему же он не может отправить туда письма?

Трибунал удаляется на совещание и после непродолжительного совещания выносит решение:

— Отложить дело на неделю для вызова свидетелей.

Раздаются возгласы недоумения:

— Чем трибунал мотивировал такое Соломоново решение?

— Мы решили так, — заявляет председатель. — Телеграф до Ростова работает из Москвы, а до Тифлиса из Ростова. За неделю можно будет снести со свидетелями. Свидетелей, во всяком случае, вызовет трибунал.

Защитника т.Лапинского такое решение не удовлетворяет.

Он указывает в своем заявлении на то, что решение суда, откладывающее слушание дела на неделю для вызова свидетелей, является в скрытой форме отказом в вызове тех свидетелей, которых ни лично немисливо вызвать к этому сроку, ни получить от них письменных показаний. Защитник настаивает на том, чтобы трибунал сам занялся вызовом указанных ему свидетелей. Обвиняемый не откажется от права возобновить через недельный срок свое требование: вызвать тех необходимых свидетелей, которых показания особо важны для дела и которые за краткостью времени не могут быть вызваны, ни допрошены на месте.

«Известия», 6 апреля 1918 г.

В ТРИБУНАЛЕ ПЕЧАТИ

Дело Мартова

Обвинение вождя меньшевиков в клевете тов. Сталиным привлекло 5 апреля полный зал слушателей, среди которых преобладают сторонники Мартова.

Суть дела заключается в следующем:

В № 51 газеты «Вперед» была помещена статья, в которой Мартов бросал обвинения Сталину в том, что последний в свое время был исключен из партийной орга-

низации за прикосновенность к экспроприации.

Обвиняет тов. Сосновский, защитниками выступили Александров и Лапинский.

Мартов делает заявление о недопустимости настоящего дела Трибуналу Печати, т.к. оно в порядке частного обвинения подлежит районному суду. Сталин указывает на общественно-политический характер дела как затрагивающего честь партии, стоящей сейчас у власти. Выступает же он частным обвинителем, не желая пользоваться своим общественным положением.

Вслед за разрешением вопроса о подсудности Мартов просит суд отложить дело и вызвать свидетелей: Рамшвилли и Жордания, находящихся на Кавказе, Пантова, Мирова, Ежова, Фролова, Ворошилова, Самойлову, Спандария и Гуковского, которые могут подтвердить обвинение, брошенное им Сталину. По его сведениям, в 1908 г. состоялось решение Областного Комитета Закавказья об исключении всего состава Бакинского Комитета С.-Д., в котором состоял и Сталин, из организации за участие в экспроприации. Но за давностью и по условиям тогдашней подпольной политической работы письменных доказательств Мартов представить не может.

Сталин говорит, что единственным свидетелем с его стороны является № газеты, в которой напечатана гнусная клевета: никогда за 20 лет партийной работы, из которых около половины прошло в ссылке и тюрьме, он не судился и не исключался из организации. Подобные приемы борьбы со своими политическими противниками разлагают печать, и он просит суд приступить к разбору дела.

Снова выступает Мартов. Его объяснения, носившие характер выпадов против большевиков, подняли настроение в зале. Шум и возгласы препятствуют спокойному ведению дела. Объявляется перерыв. Председатель распоряжается очистить зал от публики и впускать обратно по билетам.

После перерыва тов. Сосновский указывает, что заявления Мартова о неподсудности, вызове свидетелей и т.д. есть не что иное, как попытки затянуть дело. Мартов старый журналист, говорит тов. Сосновский, и он должен

был знать, что подобные обвинения бросаются только тогда, когда в кармане есть доказательства.

Но чтобы не дать возможности Мартову выставить себя жертвой большевистского суда, обвинитель согласен отложить дело на определенный срок для вызова свидетелей. После речей защитников суд постановил:

Отложить дело для вызова свидетелей на 7 дней.

«Известия», 17 апреля 1918 г.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ТРИБУНАЛ

Дело Мартова

16 апреля возобновилось рассмотрение Революционным Трибуналом дела Мартова.

Председательствует тов. Дьяконов, защищают Мартова — Абрамович и Плесков, обвиняют: тт. Сталин и Сосновский.

Тов. Сталин формулирует обвинение:

Л.Мартов в газете «Вперед», в статье «Артиллерийская подготовка», напечатал, что тов. Сталин был исключен из партийной организации за причастность к экспроприации.

— Никогда в жизни, говорит т.Сталин, я не судился в партийной организации и не исключался, это гнусная клевета, недостойный клеветнический выпад с политической целью — очернить партию, в которой я состою, в момент перевыборов Московского Совета. За эту клевету я и привлекаю Мартова.

Мартов просит слова своему защитнику по вопросу о подсудности дела Революционному Трибуналу.

Защитник Плесков, ссылаясь на декрет о Революционном Трибунале, говорит, что настоящее дело — обвинение в частном порядке в клевете в печати — не подлежит Суду Революционного Трибунала, созданного для политических дел особой важности, затрагивающих интересы всего народа. Дело следует передать на рассмотрение Народного Суда.

Обвинитель Сосновский говорит, что вопрос о подсудности уже возбуждался при первом раз-

боре дела и тогда был разрешен в положительном смысле. Когда в прошлый раз не удалось сыграть на подсудности, сыграли на вызове свидетелей и дело было отложено, а теперь опять начинается крючкотворство, сказка про белого бычка. Ясно желание оттянуть дело, взять его измором. Вопрос слишком серьезен: Мартов оклеветал в своей газете не просто Сталина, а видного партийного деятеля, члена Ц.И.К., подрывая этим авторитет всей партии, а потому мы настаиваем на слушании дела Революционным Трибуналом.

Председатель оглашает статью газеты «Вперед», инкриминируемую Л.Мартову, и жалобу тов. Сталина.

Защитник Мартова говорит, что со времени первого слушания дела случилось событие, имеющее громадное значение в направлении дела, — упразднен Трибунал Печати, причем в декрете сказано, что дела будут распределены по подсудности. Настоящее дело, как частного характера, должно поступить на рассмотрение Народного Суда.

Л.Сосновский возражает против такого толкования и находит, что раз дело упраздненным Трибуналом Печати передано Революционному Трибуналу, то тем самым уже предreshена его подсудность.

Тов. Сталин указывает, что клевета Мартова, конечно, была направлена не против него, Сталина, как такового:

— Мало ли экспроприаторов на белом свете, и, однако, Мартову до них нет дела, — клевета имела определенную цель очернить перед выборами меня, как члена Ц.И.К., как большевика, сказать выборщикам: «Смотрите, вот они какие, ваши большевики».

— Я не хотел пользоваться своим официальным положением и привлечь Мартова не как член Ц.И.К. и комиссар, а как Сталин, но я понимаю цель этой клеветы, да, полагаю, понимаете и вы, товарищи судьи.

Мартов повторяет доводы своего защитника и в своей речи бросает по адресу тов. Сталина слово «экспроприатор», за что получил предостережение председателя.

Абрамович в длинной речи указывает, что в данном случае по-

становление Трибунала о подсудности дела имеет глубокое принципиальное значение, так как решением этим будет установлено: существует ли равенство перед судом в Советской республике или же для известных лиц создаются привилегии, дающие им возможность прибегать в частных случаях к особому суду, т.е. к Революционному Трибуналу.

Тов. Сталин говорит, что не тем, кто создает себе привилегию клеветника, надо протестовать против привилегий. С такими обвинениями, с какими выступил Мартов, можно выступать лишь с документами в руках, и обливать грязью на основании слухов, не имея фактов — бесчестно. На первом заседании Мартов заявил, что у него нет документов, просил отложить дело, чтобы дать ему возможность вызвать свидетелей. Ему дали 7 дней срока, продолжили эту отсрочку до 12-ти дней, а теперь начинается новая оттяжка, под новым соусом. Эти увливания от суда недостойны, и если Мартов не клеветник, то почему он оттягивает его, почему не выступит не с голыми громкими фразами, а с фактами в руках?

Л.Сосновский указывает, что вопрос о подсудности дела Революционному Трибуналу не вызывает ни в ком сомнения: на днях в Революционный Трибунал от имени партии, лидером которой является защитник Мартова Абрамович, так рьяно отрицающий сейчас подсудность Революц. Трибуналу дел о клевете, подана почти аналогичная жалоба на меня. Очевидно, когда судятся не они, а мы, говорит тов. Сосновский, тогда сомнений в подсудности не возникает.

Суд удаляется на совещание по вопросу о подсудности дела. Совещание длилось от 1 часу до 4-х часов дня.

Когда снова открылось заседание, председатель, огласив справку об упразднении Трибунала Печати, заявил, что Революционный Трибунал нашел дело по обвинению Мартова в клевете неподсудным Революционному Трибуналу и оставляет его без рассмотрения.

Вместе с тем, — продолжает председатель, — Революционный Трибунал нашел, что в статье Мартова «Артиллерийская подготовка» содержатся выражения,

оскорбительные для рабоче-крестьянского Правительства, подрывающие его авторитет в широких массах населения, носящие признаки преступления, подлежащего суду Революционного Трибунала.

Огласив эти выражения, председатель предложил Мартову дать объяснения.

Мартов и защитники протестуют против немедленного требования объяснений, находя, что, если предполагается возбудить новое дело против Мартова, то надо направить его обычным путем, т.е. через Следственную Комиссию. Надо дать возможность подготовиться к защите; разбор дела сейчас явится недопустимым смещением функций — следственных и судебных.

Председатель разъясняет, что, во-первых, не всякое дело требует расследования, а во-вторых, Трибунал не предполагает сейчас судить Мартова, а лишь требует от него объяснений и, возможно, что по заслушании их, отпадет вопрос о суде. Если Мартов хочет отложить дачу объяснений, то пусть представит мотивы.

Мартов говорит, что инкриминируемые ему оскорбительные выражения для Советской власти в статье «Артиллерийская подготовка» являются его политическими убеждениями, за которые он готов отвечать перед судом, и просит суд привлечь его к ответственности в обычном порядке, т.е. через Следственную Комиссию.

Защитник Мартова, Абрамович, доводит до сведения Трибунала, что в Трибунале имеется уже заявление ЦК РСДРП, Московского Комитета и Московского объединенного комитета о том, что они принимают на себя ответственность за статьи, помещаемые в газете «Вперед».

Суд удаляется на совещание и через час выносит постановление, которым гр. Л.Мартов признается виновным в допущении оскорбительных выражений для Советской власти и приговаривается к общественному порицанию.

Мартов кричит: «Да здравствует...», но не доканчивает, не находя подходящего выражения.

Ему с места иронически подсказывают:

— «Учред. Собр.» «Свобода печати»...

Но Мартов так и уходит, не кончив возглас.

«Вперед», №66 (312)
19 апреля 1918 г.

ЧТО СКАЗАЛ СУД?

Товарищ Мартов признан достойным «общественного порицания» за слова, в которых усмотрена «наличность оскорбления для власти рабоче-крестьянского правительства» и за сообщения, «способные подорвать доверие к рабоче-крестьянскому правительству»...

Рабочие! Не критикуйте граждан народных комиссаров. Снимайте перед ними шапки, читайте им архвальные оды и пойте: «Спаси, Господи, люди Твоя», ибо иначе вы окажетесь достойными «общественного порицания».

Не распространяйте и сообщений, способных подорвать доверие к премудрости и всеблагости ваших правителей. Не читайте и не давайте читать другим сообщений гражданина Крыленко о подвигах вчерашнего помазанника, советского Дыбенко, о побеге его и Коллонтай, — ибо что может больше «подорвать доверие», чем это сообщение? Остерегайтесь говорить, а тем паче писать, что Брестский мир заложил оковы на Россию; что Финляндия и Кавказ преданы на поток и разграбление империалистическим полчищам; что «рабочий контроль» разрушил промышленность; что в деревне идет поножовщина; что под покровом «коммунистического» режима ловкие дельцы и реакционеры обделяют свои делишки, обогащаются, пробираются к власти, готовят злейшую реакцию, в которой обманутым, ограбленным, униженным, связанным по

рукам и по ногам окажется пролетариат.

Не говорите и — Боже упаси! — не пишите об этом ни словечка, ибо говорить и писать об этом значит «вызывать в широких трудовых массах смуту и беспокойство». А вы должны быть спокойны: «спокойствие есть первый долг гражданина», сказал еще прадед нашего друга Вильгельма. Вы должны спокойно («не слишком много рассуждая», выражаясь стилем последнего военного приказа гражд. Троцкого) ждать своей участи, ждать, пока благопопечительное начальство не устроит все к вашему благу.

Если же вы этого не понимаете или вы думаете, что ваше — не только право, но и святая обязанность перед вашим классом — «беспокоиться», что «доверие» надо заслуживать не затыканием рта «критиканам», а своими действиями, — ну, тогда вы явно — люди «легкомысленные» и если «на первый раз» вам выразят «порицание», то на второй, поверьте, сумеют запрятать и в кутку.

Вот что сказал вам, гг. рабочие, революционный трибунал своим приговором по делу т. Мартова.

Это судебное поучение столь ценно, что вполне понятно, почему трибунал, спешивший высказать его, опрокинул все «предрассудки» судопроизводства и, вынужденный указать гражданину Сталину его место, тотчас же создал и «в мгновение ока» разрешил новое «дело». □

Д.

Rare Book
and Manuscript Library
(Butler Library).
The Columbia University.

В воспроизводимых документах полностью сохранены их орфография и пунктуация.

Sommaire

Alexandre Nekritch. Les jeux de Moscou.

Dans son éditorial, le rédacteur en chef d'"Obozrenie" souligne la progression rapide du "culte de Gorbatchev". La reconnaissance de son autorité morale en tant que secrétaire général du Comité Central en est une preuve. Il n'y a que la guerre implacable déclarée à l'alcoolisme qui rend la politique de Gorbatchev différente de celle de ses prédécesseurs.

Stanislav Levchenko. Les "mesures actives" soviétiques.

Cet ancien officier du KGB expose dans son article les méthodes de manipulation de l'opinion publique occidentale, présente de nombreux exemples concrets relatifs aux moyens et procédés employés par les résidents du KGB à l'étranger.

Vladimir Froumkine. Autrefois nous étions des marxistes. Le "patrimoine-chansons" commun aux deux socialismes.

Les mélodies et chants révolutionnaires russes occupaient une place importante dans l'arsenal de chants du national-socialisme allemand. L'analyse des similitudes rythmiques et d'intonation constatées dans les chants fascistes et soviétiques permet à l'auteur de conclure à des analogies plus profondes entre les deux idéologies totalitaires.

Elena Gessen. Les mensonges des calendriers.

Les calendriers spécialisés constituent un instrument de propagande important dans le système éducatif soviétique. A partir des éditions du "Calendrier de l'écolier", du "Calendrier de la jeunesse" et du "Calendrier du combattant" pour l'année 1985, l'auteur analyse les thèmes les plus typiques qui y sont abordés.

Iouri Mamleev. Le phénomène de la littérature non-conformiste. Sa naissance dans les milieux de la jeunesse des années 60.

Le début des années 60 est l'époque de l'apparition du Samizdat, des sociétés et des cercles littéraires non officiels. L'auteur raconte l'histoire d'un des cercles littéraires de ce temps et nous parle des intérêts et des aspirations de la jeunesse créatrice non-conformiste.

Valéry Golovskoi. Documents des archives de Smolensk relatifs à la censure.

L'analyse des documents originaux provenant des archives de Smolensk et concernant la censure entre 1920 et 1934

permet de se faire une idée de la mise en place et du développement de la censure soviétique. Dans cet article sont présentés les textes authentiques de ces documents.

Marc Raeff. A propos de la première émigration russe.

Cet article donne une analyse de la structure sociale de la première vague de l'émigration russe post-révolutionnaire, dresse un bilan statistique de la répartition des émigrés dans les différents pays, passe en revue les éditions de l'émigration. L'auteur considère que la première émigration a su créer sa propre culture en conservant et en développant les traditions de l'héritage culturel russe.

Michel Semionov. Histoire d'un document.

L'auteur a découvert à la section des manuscrits d'une des bibliothèques de l'Université de Harvard (Boston, USA) un document écrit de la main de Pierre Ier "Manifeste adressé à la Moldavie, à la Valachie et à tous les peuples chrétiens". Dans cet article est racontée l'histoire de ce document et sont avancées des suppositions sur la façon dont il est parvenu à l'étranger.

Notes et Impressions.

Cette rubrique présente un article du critique d'art américain Paul Stephen "La rose c'est la rose c'est l'ail", consacré à l'oeuvre d'Olga Antonova, une jeune artiste russe vivant aux Etats-Unis et un commentaire au sujet de la proposition d'Armand Hammer pour le sommet Reagan-Corbatchev.

Revue des livres.

Cette rubrique regroupe les comptes-rendus des livres suivants: "Moï otets Solomon Mihoëls. Vospominaniya o jizni i guibeli" (*Souvenirs sur la vie et la mort de mon père Solomon Mihoëls*) de Natalia Vovsi-Mihoëls; "Kultura «dva»" (*La culture 2*) de Vladimir Paperny; "Execution by Hunger: the Hidden Holocaust" de Miron Dolot.

Documents.

Fin de la publication (commencée dans le № 15) des documents relatifs à l'affaire Martov. Ce dernier fut accusé de calomnie envers Staline et jugé par un tribunal révolutionnaire en 1918. Publication de Iouri Felshtinsky.

Summary

Aleksandr Nekrich. Moscow games.

In his lead article the editor of **Obozrenie** stresses the extremely quick growth of the Gorbachev cult. A proof thereof can be found in the immediate attribution to the Secretary General of the Central Committee of such moral authority as befits his position. So far there is but one difference between Gorbachev's policy and that of his predecessors, and that is his declaration of total war against alcoholism.

Stanislav Levchenko. Soviet active measures.

In this article by a former officer of the KGB, methods for manipulating Western public opinion are discussed. The author draws on a wealth of factual information about the ways and means of the KGB's work abroad.

Vladimir Frumkin. We Used to be Marxists: ties between the songs of two socialisms.

In the arsenal of songs of German national socialism, Russian revolutionary songs and melodies occupied an important place. Examining the rhythmic and intonational similarities in fascist and Soviet songs, the author sees profound analogies between the two totalitarian ideologies.

Elena Gessen. How the Calendars Lie.

Special calendars are an important propaganda instrument in the Soviet educational system. Based on material from "The Schoolchild's Calendar", "The Youth Calendar" and "The Soldier's Calendar" for 1985, the typical themes of such publications are examined.

Yuri Mamleev. The Origin and Phenomenon of Nonconformist Literature Surrounding the Youth of the 1960's.

The beginning of the 60's witnessed the appearance of **samizdat** and unofficial literary circles and societies. The author tells the story of one of the literary circles of that time and describes the mood and thinking of nonconformist creative youth.

Valery Golovskoy. Materials on Censorship in the Smolensk Archives.

A survey of original documents on censorship for the 1920-1934 period from the Smolensk Archives, which

illustrates the formation and development of Soviet censorship. Authentic texts of documents are quoted.

Mark Rayev. On the First Russian Emigration.

In this article, the social structure of the first wave of the Russian post-revolution emigration is analyzed, statistics on the distribution of emigrés in different countries are given and a survey of emigré publications is presented. In the author's opinion the first wave created its own culture preserving and developing the traditions of the Russian cultural heritage.

Michael Semyonov. The History of a Document.

The author discovered a document signed by Peter I — "Manifesto to Moldavians and Valakhians and All Christian Peoples" — in the Manuscript Department of one of Harvard University's libraries. The article discusses the history of the document and suggests how it appeared abroad.

Notes and Impressions.

This section contains an article by American art historian Paul Stephen "A Rose is a Rose is Garlic", on the work of Olga Antonova, a young Russian artist who lives in the USA and a comment on Armand Hammer's proposal concerning the summit Reagan-Gorbachov.

Short Book Reviews.

The following books are reviewed in this section: Natalia Vovsi-Michoels, "Moi otets Solomon Michoels. Vospominaniya o shizni i gibeli" (**My Father Solomon Michoels. Memoirs about his Life and Death**); Vladimir Paperny, "Kultura «Dva»" (**Culture "Two"**); Miron Dolot, **Execution by Hunger: the Hidden Holocaust**.

Documents.

The section "Documents" contains the second part of the publication on the Martov case. Martov was tried by a revolutionary tribunal in 1918 on charges of defamation against Stalin. Continued from **Obozrenie** No. 15. The documents were prepared for publication by Yuri Fel'shtinsky.

Замеченные смысловые опечатки в № 15
На стр. 6 напечатано: «с Андреем Блоком», должно быть — «с Андреем Бельим».

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Некрич — Московские игры	1
СССР : ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА	
Станислав Левченко — Советские акции влияния	3
СССР : ИДЕОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА	
Владимир Фрумкин — Раньше мы были марксисты: песенные связи двух социализмов	9
Елена Гессен — Как врут календари	14
СССР : ИСТОРИЯ	
Юрий Мамлеев — Возникновение и феномен неконформистской литературы в среде молодежи в 60-е годы	17
Валерий Головской — Материалы о цензуре в Смоленском архиве	22
РОССИЯ : ИСТОРИЯ	
Марк Раев — О первой русской эмиграции	29
Михаил Семенов — История одного документа	34
ЗАМЕТКИ И ВПЕЧАТЛЕНИЯ	
Пол Стефен — Роза это роза это чеснок	37
И.А. — Снова Арманд Хаммер	39
КОРОТКО О КНИГАХ	
Ада Левина — Наталия Вовси-Михоэлс. Мой отец Соломон Михоэлс. Воспоминания о жизни и гибели	40
Владимир Кресин — Владимир Паперный. Культура «Два»	40
Кэтлин Бейли — Miron Dolot. Execution by Hunger: the Hidden Holocaust	41
ДОКУМЕНТЫ	
Дело Л.Мартова в революционном трибунале. Публикация Ю.Фельштинского (окончание)	43
Почти что юмор	16, 21, 42
По столбцам советской печати	8
SOMMAIRE	47
SUMMARY	48

«ОБОЗРЕНИЕ»

Аналитический журнал газеты «Русская Мысль» (Париж).

Выходит 6 раз в год.

Редактор Александр НЕКРИЧ.

Supplément au journal « La Pensée Russe » N° 3590

Directeur responsable R. Gallouin

Commission paritaire N° 58334

«OBOZRENIE»

Revue analytique publiée par l'hédomadaire «La Pensée Russe» (Paris).

6 numéros par an.

Redacteur en chef Alexandre NEKRITCH.

«OBOZRENIE»

Analytic journal published by «Russkaja Mysl» (Paris).

6 issues per year.

Chief Editor Aleksandr NEKRICH.

Copyright «Russkaja mysl» (Paris) 1985.

Обложка и рисунки Олега Антропова.

Подготовка рукописей к печати и перевод иноязычных материалов Елены Гессен.

Номер готовили:

Наборщик и корректор

Соня Сорокина.

Метранпаж Виктор Сорокин.